

АРНЕ ДАЛЬ КРАХ

ДАЛЬ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ

ПРЕВЗОШЕЛ

САМОГО СЕБЯ.

KARPRAKT, SWEDEN

18+

Триллер по-скандинавски

Арне Даль

Крах

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Даль А.

Крах / А. Даль — «Издательство АСТ», 2021 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-147382-2

Лед сохраняет все секреты. Пятого числа каждого месяца полиция на островах Стокгольмского архипелага находит очередное тело. Но причины смерти различны, и поэтому никто не верит в связь между убийствами. Никто, кроме комиссара Дезире Русенквист, которая неофициально поручает это дело Сэму Бергеру и Молли Блум. Детективы выясняют, что мертвые тела были заморожены в азоте заживо несколько десятилетий назад. Хотя Бергеру и Блум приходится действовать тайно, они понимают, что кто-то хочет, чтобы тела были обнаружены. Только почему именно сейчас? Бергер, Блум и Русенквист идут по следу убийцы. Расследование приведет их к преступному синдикату, действующему на международной арене. Им придется постигнуть глубины человеческой мании величия... Где желание оставаться вечно молодым и красивым может погубить не одного человека... Удастся ли Сэму и Молли выбраться живыми из чудовищного круговорота смертей?..

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-147382-2

© Даль А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

I	6
1	6
2	7
3	10
4	13
5	17
6	20
7	23
8	26
9	29
10	35
11	39
12	43
13	46
14	51
15	53
II	57
17	58
18	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Арне Даль

Крах

Роман

Arne Dahl
Islossning

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Arne Dahl, 2021

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Костанда О., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

I

1

Несмотря на закрывающую глаза повязку, такое ощущение, что он видит все. Все, что происходит в тишине.

Приготовления.

Непривычный покой. Запах летней ночи. Ничего другого. Ни морских птиц, ни сов, ни комаров, вообще никаких звуков природы.

Не слышно и скрипа песка под ножской стула. Ни под одной из ножек.

Он так молод. И он понятия не имеет, что его ждет. Но у него есть график. Все для его же блага.

Будет больно.

Но оно того стоит.

Ему так сказали: стоит потерпеть.

Он такой маленький, но все же размышляет о предательстве. Что это такое, есть ли у предательства оттенки. Может быть, вот оно, самое страшное на свете предательство.

Ему кажется, что он видит берег сквозь повязку. Где они бросаются песком, ныряют в море, скребут руками и коленями по дну, забираются на скользкие камни, съезжают с них как с горки, так что потом болит попа, плавают под водой, выискивая цветные камешки.

Летняя ночь на удивление тиха.

Но вдруг раздается еле слышное урчание. Мотор? Потом снова все стихает.

Он думает, что вокруг темно. Должно быть темно. Сейчас, наверное, те смутные часы, когда солнечный диск опускается в неизвестность за горизонт. Хотя откуда ему знать точно.

Он понятия не имеет.

Но что-то растет внутри него. Нечто, не поддающееся контролю.

Две вещи одновременно.

Одна – это страх, ужас, испуг. Он знает, что для него же так лучше, но он боится боли. Ему претит ожидание боли.

Он заранее ненавидит то, что произойдет в ближайшие минуты этой июльской ночи.

И вот тут рождается то, второе, что зреет в нем. Это гнев. Гнев, вызванный предательством. Хотя он маленький, он знает, что эта ярость никогда его не покинет.

Гнев словно прожигает дыры в повязке, и он видит все.

Он видит песчаный пляж, тянувшийся вдоль неподвижного моря, видит выступающие из воды камни, видит опушку леса, зубцами выступающую вдалеке.

Все, чего он не видит, гнев словно припечатывает к его роговицам.

И вдруг он слышит скрип песка. Очень отчетливо.

Словно кто-то просится сюда из другого времени.

2

Суббота, 4 марта

Кажется, что все ее сознание высосано через дыру во времени, и теперь вместо него осталась чистая боль.

Сквозь пронзительную боль она пыталась подобрать слова. Слова успокаивают. По идее. *Должны* успокаивать.

Неторопливость, с которой руки приближались к пока бессловесному, открыла возможность отыскать выражение. Попытаться вызвать ассоциации между горящими нервными окончаниями.

Гимнастика. Акробатика между двумя горизонтальными жердями. Только они назывались не жердями. А как назывался сам вид спорта?

Разумеется, она осознавала, что просто пытается отвлечься. Это сродни движению по кругу. Для того, чтобы боль не овладела ею целиком, сделав невозможным движение физическое.

Художественная гимнастика? Спортивная? Больше похоже на спортивную. Какие там были виды? Одиночные, конечно. Прыжки через коня, кольца. А прыжки, вообще, были? Но та штука, с жердями, как же ее? Брусья?

Да, брусья. Точно. Первое за долгие месяцы мгновение без боли настало, когда она увидела слово перед собой.

Островки спасения.

Руки, поддерживающие ее наверху, отпустили хватку, как только она схватилась за брусья, показавшиеся ей спасительными островками. Уходящими вдаль, в бесконечность.

Между островками, всего в десяти сантиметрах, показалось лицо. Губы на женском лице изображали подбадривающий крик. Но слышно ничего не было. В ее системе чувств не осталось места для звуков. Все пространство заняла боль.

И все-таки она сделала первый шаг. Первый самостоятельный шаг. Повиснув на островках, она рвалась вперед. Боли стало тесно внутри тела, она начала просачиваться сквозь кожу, создавая вокруг удушающую ауру. Но несмотря на это – еще один шаг.

И еще.

Она не спускала глаз с лица женщины, медленно отодвигающейся между брусьями, и ей казалось, что, вцепившись в него взглядом, она сможет просверлить дыру в ауре, впуская внутрь звуки. Она услышала собственный вопль, смешанный со слезами, который она буквально выплюнула в лицо женщине.

Женщина быстро шагнула ей навстречу, обняла ее за торс. Когда лицо ее было в паре сантиметров, женщина сказала:

– Не сдавайся, Дезире, ты уже почти на середине.

Каким-то образом ей удалось оттолкнуть фигуру в белом халате и прошептать:

– Не называйте меня Дезире.

А потом она сделала следующий шаг.

* * *

Молли Блум осмотрелась: она стояла в тупике, который упирался в горстку красных домиков на улице Осегатан. Зима почти миновала, стоял холодный промозглый субботний

день в начале марта, и через пару минут жизненный тонус Молли должен быть увеличиться по меньшей мере вдвое. Входя в подъезд дома на улице Плуггатан в районе Сёдермальм, Блум размышляла, почему все вышло именно так. Ни одной секунды своего прошлого существования она не посвящала мыслям о такого рода жизни – и вот она, пожалуйста.

Что стало с ее мечтами?

Пока она, перешагивая через ступеньку, поднималась по лестнице, перед глазами возник утраченный мир. Кроссфит, самооборона для женщин, кровь, пот и слезы. Однако, когда Блум оказалась наверху, этот мир улетучился и на место ему пришел другой, более серый и холодный. Правда, он вот-вот просветлеет.

Она позвонила в дверь. Открывший мужчина выглядел не особенно просветленным. Скорее невыспавшимся. Малышка, висящая в слинге у него на груди, безмятежно похрапывала.

– Она обожает воду, – еле ворочая языком, произнес мужчина.

– Я не понимаю, что ты говоришь, – сказала Молли Блум.

Сэм Бергер резко расправил плечи и, похрустывая суставами, объяснил:

– Я всю ночь включал ей воду. Только так она засыпает. Представляю, сколько кубометров утекло.

– У меня она всегда хорошо спит, – соврала Блум.

– Может, нам тогда лучше жить вместе? – спросил Бергер, вынимая полугодовалую дочку Мирину из слинга.

Блум взяла девочку на руки, и внутри у нее засиял огонек. Внутренний свет быстро прорвался наружу.

– Не будь занудой, – мягко осадила она Бергера. – Дай мне как следует подумать.

– Сначала ты бесследно исчезла и девять месяцев думала, – возразил Бергер. – Теперь опять думаешь почти столько же. Что там у тебя за мыслительный процесс.

Он засунул слинг в сумку, висевшую на ручке коляски в углу. Блум бережно положила в коляску спящую Мирину. Бергер осторожно шагнул в сторону Молли, осторожно взял ее за руку, заглянул ей в глаза и сказал:

– У нас общий ребенок, Молли, и нам хорошо вместе. Мы практически каждый день работаем вместе. Почему бы не пойти дальше?

Удивительно, но на этот раз она не отвела взгляда.

– Ты знаешь, что произошло, – сказала она.

Бергер медленно разжал руку. Тяжело вздохнул.

– Это никак не связано с нами. Мы должны были наконец...

– Но это знак, – перебила его Блум. – Я по-прежнему пытаюсь переработать пережитое. Дай мне еще немного времени.

– Виновные уничтожены, Молли, – сказал Бергер, снова схватив ее за руку. – От них не осталось и следа.

Безжалостно просверлив Бергера взглядом, Молли выдернула руку и прокричала:

– Мы нашли отпиленную левую ногу Ди в кровати, где собирались заняться любовью.

Эхо от ее слов смешалось с плачем проснувшейся Мирины, оно преследовало маму с дочкой, когда они вошли в лифт, и когда за ними закрылись двери. Бергер долго смотрел им вслед.

* * *

Теперь островки надежности уже не казались бесконечными. Хотя в ее воспаленном зрительном поле жерди закручивались и сгибались, теперь она осознавала, что длина их не больше метра. Боль не оставляла возможности для нормального восприятия. Она пронзала ее тысячей

кинжалов и оглушала, она пахла серой, а рот наполняла вкусом полыни, ее пламя прожигало глазницы изнутри. И все же она сделала новый шаг.

Попыталась шагнуть еще, но это было все равно что идти на двух незаживших обрубках, пол давил на оголенные нервы, на кости и мясо.

Она упала.

Она была уверена, что падает.

Вместо этого она повисла между островков.

Ее удержали надежные руки, приподняли, заставили снова схватиться за брусья. Сквозь слезы она видела, как открывается и закрывается рот на лице женщины. Но ничего не слышала.

– Я больше не могу, – взмолилась Ди. – Слишком больно.

Темные глаза поймали ее взгляд. До слуха Ди, наконец, дошел голос:

– Ну и сдавайся, черт возьми, может, легче станет.

Теперь ею двигал гнев, почти ненависть. Насмешливое лицо маячило впереди, но как только Ди приближалась, оно снова отодвигалось.

Исказившись, женское лицо начало превращаться в мужское, с ярко выраженными славянскими чертами и шрамом в виде буквы R на щеке. Это придало Ди сил. Ей захотелось дойти. И убить.

Муравьиными шажками она продвигалась вперед. Каждый миллиметр отдавался вспышкой перед глазами. Ди уже почти дошла, когда сквозь мужское лицо прорвался женский голос:

– Последний шаг. Ну давай же, Ди!

3

Воскресенье, 5 марта

Над выступающими из воды, покрытыми снегом утесами поднимается мартовский рассвет. По водной глади еще плывут одиночные льдины. Снег поблескивает, отражая первые утренние лучи, неравномерными пучками бросая их в темноту комнаты сквозь панорамное окно.

Если судить по состоянию комнаты, время должно было давным-давно побить стекла, однако все окна целы и продолжают держать оборону против самых сильных зимних морозов. Внутри пусто и пыльно, лишь пара табуреток вокруг низкого вытянутого стола, на котором лежит старый блокнот.

Все замерло. Неподвижный рассвет.

Но вдруг открывается входная дверь.

Входит мужчина – достаточно молодой, одетый в черное, темно-серая шапочка плотно натянута на уши. Дрожа от холода, он приближается к батарее и ставит тепло на максимум. Потом бредет к столу, похлопывая себя руками, чтобы согреться. От него воняет.

Воняет кровью.

С него *капает* кровь.

Он бросает на стол охотничий нож и садится на табуретку. Утренний свет по-прежнему слишком слаб для чтения, но его достаточно, чтобы разглядеть темно-красные пятна, расплывающиеся по клетчатой сине-зеленой скатерти, которая кажется гораздо новее всего остального в доме.

Молодому человеку хотелось бы откинуться на спинку, передохнуть после страданий и ночного холода, но у табуреток спинки нет. Может быть, и к лучшему. Спать нельзя. Несмотря ни на что. К тому же холод проник до мозга костей, и если уснуть, можно замерзнуть до смерти.

И все же он дает себе время, чтобы подивиться.

Вот оно, началось.

Он словно со стороны видит, как поднимается нож. Будто ожив, колет и рубит все снова и снова. Уничтожив лицо, нож спускается ниже, кромсает тело, грудь, потом еще раз, напоследок, вонзается в лицо. Но это не беспорядочные удары, их ровно восемнадцать. На этом он останавливается.

Удивительно, что у него получилось начать. Конец-то есть, логический конец, а вот начало казалось зыбким. Теперь все иначе. Теперь он доведет дело до очевидного конца.

Он наблюдает, как густые капли крови медленно падают с лезвия на скатерть, постепенно пропитывая волокна ткани.

Извращенная кровь.

Противно.

Он сидит неподвижно, наблюдая, как его собственное отражение растворяется по мере наступления рассвета. Он словно исчезает, сливается с природой, становится частью прибрежного ландшафта, он уже не индивид, скорее сама судьба. Прежде чем исчезнуть полностью, он видит перед собой свой образ. Молодой, свежий, живой – мужчина, который мог бы жить вечно.

Как же обманчива бывает внешность.

Он наклоняется над блокнотом, открывает какую-то страницу, наугад, и читает аккуратно выведенный текст:

«...должно производиться без обезболивания. Разрез получается тонкий, легкий, чистый. Несмотря на силу в руках и ногах, кожаные ремни удерживают хорошо. Беруши самые лучшие, какие только есть на рынке. Когда я откладываю скальпель, то понимаю, что даже сотая доля вопля не достигла моего слуха...»

Молодой человек отводит взгляд от блокнота. За окном продолжает светлеть. Он слышит звук ломающегося льда, бьющихся друг о друга льдин. Неземной звук. Но и он не на земле.

Лед вскрылся. Он в гуще ледохода.

Можно отпраздновать – уже год, как он нашел блокнот. Тогда он и решился. И теперь отмечает это событие своеобразным способом.

Он уже давно его не открывал, но содержимое помнит почти наизусть. Первые же слова, которые он сейчас читает, полностью оправдывают его ожидания. Он думает о связях, о цене, что приходится платить, о безудержности. Читает дальше:

«...когда погружаешь руку внутрь, между аккуратнейшим образом разрезанными кожей, мышцами и сухожилиями, чувствуешь, как возвышаешься над собой. Словно дотягиваешься до подсознания, роешься в том, о чем человечество мечтает забыть. А держать в руке совершенный орган – сущее благоговение. Ведь у него впереди по меньшей мере семьдесят лет жизни...»

Он почти слышит причитающий голос, различает малейшие оттенки. Устав, он с трудом его заглушает.

Молодой человек смотрит на свою руку. Выжидает. Рука на удивление неподвижна. Как будто содеянное утихомирило ее. Словно безумные ножевые удары заблокировали работу нервных клеток.

А потом начинается снова. Эта дрожь.

Теперь он узнает свою жизнь.

Он отводит взгляд, смотрит в окно. Берег неподвижен в зимнем свете. Отчетливо видна береговая линия, выступающие из воды камни, опушка леса по другую сторону залива. Все произошло там.

Все произошло *здесь*.

На Фабрике.

Кровь на левой руке еще не полностью засохла. Когда началась дрожь, последние липкие капли брызнули с руки на стол. Он тянется к блокноту, зная, что все написано только с правой стороны, перелистывает, оставляя кровавые пятна на всех левых страницах, возвращается к началу.

К началу начал.

Он читает первые слова:

«С тех пор, как человек научился ходить на двух ногах, с тех пор, как в нем проснулось сознание, появилось абстрактное мышление, мы мечтали жить дольше. Мечта о вечной жизни так или иначе присутствовала в каждой религии, в каждом мифе, в каждой легенде. В эпоху секуляризации эта мечта покинула расплывчатый мифологический мир, оставила рай, ад и чистилище позади. Мечта – она здесь и сейчас. В этой жизни. И это уже не мечта. Мы слишком долго принимали как должное неминуемую смерть».

Молодой человек содрогнулся от претенциозности высказывания. Но голос умолк.

Но левая рука все еще дрожит. Захлопывая блокнот, он оставляет отпечаток на обложке.

Он хватает нож, крепко сжимает его в кулаке, словно выжимая кровь из рукоятки. Постепенно нож успокаивается. Дрожь стихает. Все это – лишь вопрос воли.

Теперь эта воля у него есть.

И он только начал.

Предстоит убрать все.

Ковчег должен очиститься.

Не вставая, он подвигает табуретку к короткой стороне стола. С ножом в руке он отгибает кончик скатерти.

Несмотря на скатерть, стеклянная поверхность запотела, словно из нее что-то сочится. Молодой человек медленно протирает стекло.

И смотрит на женское лицо.

Она очень красива.

4

Пятница, 5 мая

Повернувшись, водитель такси спросил:

– Вы уверены, что мы правильно едем?

Дорога становилась все уже, осторожно зеленеющий весенний лесок, казалось, все время приближался. К тому же на бледном небе начали проявляться ранние сумерки.

Он не был уверен, что имеет моральное право посадить пассажирку в какой-то глуши. Он же сам запихивал ее инвалидное кресло в багажник.

Пассажирка, брюнетка с каре, еле заметно кивнула. Взгляд ее устремился вдаль. Сжимая костыли, она смотрела на петляющую тропинку серьезно и сосредоточенно. Никакого беспокойства, одна лишь целеустремленность.

Лес поредел. Там, где дорога заканчивалась, таксист заметил две припаркованные машины. За ними снова тянулся лес. Вокруг – никаких признаков жизни.

Он подъехал к машинам и остановился. Пассажирка открыла дверь со своей стороны. Он обошел автомобиль, чтобы помочь ей. Отмахнувшись от него, она оперлась на костыли и выбралась из машины. Похоже, она нечасто ими пользовалась.

Таксист протянул к ней руки, желая поддержать ее. Но она упрямо помотала головой и направилась к лесу за дорогой. Отыскав тропинку, она поковыляла между стволами деревьев.

– Я подожду здесь, – крикнул таксист. – Вы заказали поездку туда и обратно. Но вы действительно?..

Женщина зашла за толстую ель, прислонила один из костылей к телу, схватила за поросший мхом ствол, с отвращением отдернула руку, снова оперлась на оба костыля. Повиснув на них всем телом, она тяжело дышала. Боль стала частью ее естества. Так много она ходила только в реабилитационном центре – движимая гневом, переходящим в ненависть – и то только под чутким надзором персонала.

Но ей необходимо именно это. Жизненно необходимо.

Она должна снова стать полицейским.

Дезире Русенквист по-прежнему числилась комиссаром криминального отдела, но обязанности ее больше походили на то, что обычно доверяют практикантам. Всего месяц, как она вышла с больничного, и понятно, что впереди ее ждет лишь работа за письменным столом. Но это вовсе не означает, что придется всю жизнь посвятить переключиванию бумажек.

Она уже давно не ощущала себя как Ди.

С тех самых пор, как ей отрубили обе ноги.

В два приема, но в течение одних суток.

Обе ступни хорошо сохранились, и их удалось пришить с разницей в пару часов. Но операции были сложные, не обошлось без осложнений.

Потом потянулись долгие полгода бесконечной боли. Борьбы, неудач. Новые операции, неудавшаяся реабилитация, присоединившиеся инфекции, приступы гнева, обезболивающие, влияющие на нервную систему или не оказывающие вообще никакого действия. Бывали дни, когда она просто кричала. С утра до вечера.

Она погрузилась во мрак и готовилась к преждевременному выходу на пенсию, когда ее реабилитолог Фарида рявкнула на нее: «Ну и сдавайся, черт возьми, может, легче станет».

Дезире настолько разозлилась, что решила идти дальше. А главное – перед ее внутренним взором явился мужчина со шрамом на щеке. Увидев его, она смогла пройти еще несколько метров.

Как же ей хотелось убить его.

Около месяца назад стало полегче. Тьфу-тьфу-тьфу. Безжалостная реабилитация начала приносить свои плоды. После долгой изоляции, чуть не сделавшей ее социофобом, она начала потихоньку выходить в люди. Она заново училась водить машину со своим мужем Йонни, водителем скорой помощи. Его высочайшие профессиональные навыки порой выглядели бледно на фоне того, как Дезире нажимала педали пришитыми ногами. Она сама доезжала до супермаркета в центре Скугоса на своей инвалидной коляске, общалась с настоящими пенсионерами. Поняла, что в их компании чувствует себя чужой. Пока.

Пару недель она довольствовалась тем, что разбирала старые дела в криминальном отделе. Потом перешла к делам текущим.

Поэтому теперь она здесь.

Поэтому она снова схватилась за костыли, поднялась на ноги. Левый костыль соскользнул, с него слетел резиновый наконечник. Стиснув зубы, Дезире шла дальше по лесной тропинке, пока вокруг сгущались сумерки. Был вечер в начале мая, и она заплутала в сумрачном лесу. Лишь упрямство и воспоминания о мужчине со шрамом заставляли ее продираться дальше через хлещущие по лицу ветви деревьев. Мужчина со шрамом стал ее путеводной звездой на пути через ад.

Лес поредел. В воздухе почувствовался ни с чем не сравнимый запах моря. Перед ней открылся совсем другой пейзаж.

Вода. Весенние сумерки на берегу. Внезапный яркий свет, льющийся с огороженного участка, напоминающего древнее святилище. Над освещенным песком, выписывая угловатые узоры, двигались друиды в белом.

Выйдя, наконец, из леса, Дезире постояла, наблюдая сцену в лучах все более ярко-желтого, медленно заходящего солнца. Песчаный пляж, выступающие из воды камни, лесок на другой стороне залива.

Да. Она пришла куда надо.

Повиснув на костылях, она позволила себе впервые за пару минут почувствовать боль. Сильную и неприятную – зато так далеко она уже год не ходила. Дезире стояла, опираясь на костыли, и смотрела, как самый крупный из друидов в белом отделяется от остальных и идет к ней навстречу. Подойдя ближе, он воскликнул:

– Ди? Что, черт возьми?..

– Как давно меня не называли Ди, Робин, и как мне этого не хватало, – произнесла она запыхавшимся голосом.

– Но... – продолжал могучий друид, – разве ты не?..

– Все верно, – откликнулась Ди, с трудом поднимая голову. – У меня офисная должность. Меня здесь нет.

– Но я думал, что ты... ты...

– Умерла? Вышла на пенсию? Нет, Робин, рано. Ничто меня не удержит. Рассказывай, что тут у вас.

– Но ты выглядишь совершенно...

– Я знаю, как я выгляжу, – мрачно оборвала его Ди. – Рассказывай.

Робин подошел к ней и попытался поддержать. Она махнула на него рукой.

– Здесь песчаный пляж, Ди, – спокойно произнес он. – Ходить по песку на костылях невозможно. Разреши, я тебе помогу.

Робин снова протянул руку. На этот раз Дезире не стала от него отмахиваться. Впервые после реабилитации она не отвергла помощь постороннего.

«Прорыв за прорывом», – с горечью подумала она.

Тучный криминалист, один из лучших сотрудников Национального центра криминалистической экспертизы, осторожно повел ее по песку. Она остановила взгляд на море, прежде чем солнце окончательно скрылось за горизонтом.

Теперь они стояли над трупом.

Тело было хорошо видно в венке прожекторов. Вокруг ходили криминалисты, брали пробы, искали следы.

Жертвой оказался мужчина лет тридцати, на лбу его отчетливо проступал след от пули. Других повреждений Ди не заметила. Красивый высокий блондин в мокасынах.

– Застрелен с близкого расстояния, – пояснил Робин, продолжая поддерживать Ди. – Насколько я вижу, единственным выстрелом.

– Эта толстовка...

Робин пожал плечами:

– На рукаве отчетливо видна марка «Nautica». В остальном – ничего интересного. Даже следов обуви на песке не найти. Кто-то очень хорошо за собой прибрал.

– Да, «Nautica», помню. Эту марку носили снобы, владельцы яхт в Штатах. Она еще существует?

Робин медленно покачал головой.

– Не может быть, чтобы ты приехала из-за этого, Ди. Уж точно не ради марки «Nautica».

– Не из-за этого, – согласилась Ди. – Мне просто надо на него взглянуть.

– На тело?

Она скинула руки Робина. Сделала пару шатких шагов, погружая костыли в песок. Осмотрела сумрачный пляж. В некоторых домиках на другой стороне залива зажглись огни.

Робин догнал ее. С трудом вытащил костыли из песка.

– Расскажи подробнее о трупе, – попросила Ди.

Робин пожал плечами. Весь остров как будто закачался.

– Рассказывать особенно нечего, – сказал он. – Скорее всего, его застрелили в другом месте и переместили сюда, вероятно, на машине. Судя по краям раны, вряд ли это был выстрел в упор, но все же с очень близкого расстояния. Легкая чернота на коже, следы ожога. Похоже на девятимиллиметровый калибр, выходное отверстие значительно больше, пуля не сохранилась. Но у меня такое ощущение, что тебя интересует не труп, Ди.

В слабеющем свете Дезире встретила взглядом с Робинем и вдруг осознала, как ей не хватало умных, включенных собеседников.

– Верно. Меня интересует вид.

– Вид? – воскликнул Робин, как будто никогда раньше не слышал этого слова.

Ди махнула рукой в сторону берега и выступающих из воды утесов. Выронив костыль, она плашмя упала на песок.

Робин поднял ее и вынес на твердую землю. Бросил взгляд через ее плечо, на тропинку, ведущую в почти уже черный лес.

Ди снова схватилась за костыли. Как за соломинку. А потом спросила в упор:

– Это ведь уже не первый раз?

– Ты о чем?

– Все чаще мне приходится работать с людьми, не понимающими, о чем я говорю, – произнесла Ди, корчась от боли в ногах. – Но ты, Робин, точно не из них.

Робин скривился и снова посмотрел поверх ее плеча.

– Никаких криминологических совпадений, – сказал он.

– Но ты знаешь. Ты ведь знаешь, Робин?

– Я знаю только то, что могу доказать научно. Больше ничего.

Когда его взгляд в третий раз скользнул над ее плечом, ей это все надоело. Повиснув на костылях, она сказала:

– Я понимаю, что за моей спиной что-то происходит. Но забудем об этом на несколько секунд. Скажи «да» или «нет», Робин. Это первое убийство?

– Нет, – ответил Робин, тяжело вздохнув.

– Нет?

– Моя личная оценка, без доказательств и протокола – нет. Нет, это не первое убийство, совершенное этим преступником.

– Спасибо, – сказала Ди, с трудом поворачиваясь.

У входа в темный лес стоял таксист с фонариком и пустым инвалидным креслом.

Ди зажмурилась. Несмотря на все ее попытки сдержать слезы, они медленно катились из-под закрытых век.

5

Среда, 24 мая

Залив простирался в лучах весеннего солнца. Сверху он казался похожим на акулу, заблудившуюся среди утесов. Еще мало кто из владельцев яхт спустил свои любимые лодочки на воду, и пустые мостки выступали, как иглы, впивающиеся в акулье тело.

Ближе к северу, где залив резко обрывался, было заметно ускорение. Там стоял замок, казавшийся королевским под майским солнцем. Дальше путь лежал вдоль северного Эдсвикена, обратно к западному берегу, мимо всевозможных вилл, к более пустынному побережью, вот показалась лужайка, за ней маленький белый домик у самой воды. От домика в море тянулся длинный пирс.

Впервые в поле зрения попал человек. Мужчина, стоявший на мостках, становился все крупнее и крупнее. В руке он держал пульт, на перилах угрожающе шатко примостился ноутбук. Вскоре мужчина занял собой все пространство. Пока в объективе не осталась одна гигантская рука.

Довольный, Сэм Бергер схватил дрон. Ему, наконец, удалось все настроить. Положив пульт и похожий на паука квадрокоптер на стол, он снял ноутбук с перил и направился в полностью отремонтированный домик.

Молли Блум, должно быть, сидела в своем кабинете, но определить это было сложно из-за интенсивных движений в дверном проеме.

А именно – прыжков.

Бергер сам повесил прыгунки, он был уверен, что закрепил их как следует. Но при этом каждый раз, когда он видел, как сильно дочка натягивает черные резиновые ремни, его переполнял ужас. Он присел перед прыгающим тельцем, меньше года от роду. Хотя девочка из всех сил тянула за стропы, она сохраняла полное безразличие на лице. Бесстрастное, почти скучающее выражение изменилось только, когда он скорчил свою самую смешную рожу. Но малышка была настолько сосредоточена, что удостоила его гримасу лишь мимолетной улыбкой. Он осторожно протянул руку, чтобы не попасть Мирине по носу, и неуклюже погладил ее по щеке.

Бергер протиснулся в комнату мимо маленькой прыгающей фигурки. Блум, действительно, сидела за столом и что-то печатала на компьютере.

– Я его настроил, – сообщил он, махнув в сторону пирса.

Блум подняла глаза и поморщилась.

– Древнеримскую цивилизацию погубила праздность и разврат. А наша погибнет из-за Интернета и дронов.

– Он нам пригодится на выходных, – просто ответил Бергер. – Тебе удалось подобраться ближе к нашему киприоту?

Блум слегка покачала головой.

– Как сказать, ближе, – сказала она. – Во всяком случае, нет никаких оснований полагать, что он здесь с легитимными целями. У Панайотиса Скарпариса довольно большой «послужной» список правонарушений, совершенных на Кипре. В основном экономические преступления. Но есть и преступления с применением силы.

– Что, возможно, объясняет желание супруги развестись...

Бергер и Блум помолчали, глядя друг на друга.

– Кто бы мог подумать, – сказал наконец Бергер.

– *Что* подумать?

– Что самая слабая из четырех опор, на которых зиждется наша хлипкая деятельность, бросит нам самый интересный вызов.

– Но ты ведь не думал, что это окажется налоговое мошенничество?

Бергер пожал плечами.

– Разумеется, налоговое мошенничество – самая крепкая опора АО «Эллинг Секьюрити». Но мне казалось, что такая классическая категория *частного сыска*, как супружеская неверность, уже ушла в прошлое. Даже при разводах это теперь не аргумент.

– По крайней мере, в нашей части Европы, – согласилась Блум и открыла новое окно в поисковой программе. – Но на Кипре развестись не так просто. Если ты женщина, тебе придется убедить самого архиепископа в том, что твой брак обречен. Если муж не импотент, не бьет тебя и не изменяет, придется ждать по меньшей мере пять лет.

– И если у тебя нет доказательств, – кивнул Бергер.

– Его бронь на месте, – сказала Блум, кивнув в сторону компьютера. – Номер люкс в «Шесала Спа» – «небо прямо за углом».

– Скорее, прямо над головой. Если не задвинуть электрические жалюзи.

– Одно из наших слабых мест, – сказала Блум. – А еще непонятно, насколько он маневренный. И насколько хватит твоего водительского мастерства.

– У меня еще есть пара дней в запасе, чтобы потренироваться.

Они помолчали, обдумывая все вводные данные.

– Мы ведь не рискуем угодить в какое-нибудь дерьмо похуже? – спросил наконец Бергер. – Какой-нибудь русско-кипрский преступный синдикат? Мафии с меня хватит.

Блум надула щеки, медленно выпустила воздух и покачала головой.

– Никаких свидетельств тому, что Панайотис Скарпарис повинен в чем-то еще, кроме *теневого бизнеса*. Дела у него, видимо, идут неплохо, раз его жена Манолина смогла предложить нам такой щедрый гонорар, но прямых контактов с мафией я не вижу. Это, конечно, не означает, что их нет...

– А сама госпожа Манолина Скарпарис?

Блум покачала головой.

– Никаких преступлений за ней не числится, ни в каких базах ее нет. У нее страничка в социальной сети. Домохозяйка, живет в Ларнаке, сорок шесть лет, двое подростков. Много фотографий детишек, в разном возрасте и обличии. Она изо всех сил старается скрасить свои будни, но между строк отчетливо читается страдание и даже страх. Супруги Скарпарис присутствуют на парочке совместных снимков, но никакой искорки между ними не видно. Такое ощущение, что они специально встают как можно дальше друг от друга.

– Если бы Панайотис имел отношение к мафии, он вряд ли бы позволил размещать свои фотографии в социальной сети. И вообще, тогда у его жены и странички-то своей не было бы.

Их взгляды встретились.

– Значит, мы можем быть спокойны? – спросила Блум, не то Бергера, не то саму себя.

Он пожал плечами.

– В нашей сфере всегда присутствует риск. Но как раз здесь он минимален, как мне кажется. Мы верим в предысторию Манолины?

Блум отвернулась к окну, посмотрела на лужайку, на свежую гравиевую дорожку, змеящуюся в сторону окружающего участок забора. По обе стороны от лужайки к небу тянулись осины. На деревьях появилась первая зелень, и светло-зеленые листочки шелестели так громко, что было слышно в доме. Не сводя глаз с пейзажа, Блум сказала:

– Ее история вполне связанная и правдоподобная. Манолина Скарпарис случайно обнаружила эсэмэску от некой Хелены. Хелена писала по-английски, в нейтральном тоне, без излишних смайликов: «Встречаемся, как обычно, в Шесала Спа? Жду незабываемого уикэнда».

Манолина сделала свои логические выводы, увидела свой шанс расторгнуть ненавистный брак и получить половину имущества – поэтому и обратилась к нам.

– А почему именно к нам?

– Она нашла нас в Интернете. Наверное, потому что мы довольно близко от Шесала?..

– Как приятно, когда тебя ценят по заслугам, – съязвил Бергер.

– Может, ей название фирмы понравилось, – добавила Молли.

– Еще один железобетонный аргумент.

Не сговариваясь, они посмотрели на Мирину, сосредоточенно пыхтящую на своих прыгунках.

На секунду на них дохнуло страхом, основанным на обстоятельствах предыдущего расследования. Они отчетливо почувствовали это друг в друге. Тогда их дочь чуть не похитили. А одна героиня пожертвовала ради нее обеими ногами.

Наконец, Бергер решительно произнес:

– В любом случае, Мирину здесь оставлять нельзя.

Блум внимательно посмотрела на Бергера.

– «Нас» по-прежнему не существует, – ответила она.

6

Пятница, 26 мая

Ди сидела в самом конце коридора и любовалась свежей зеленью Крунубергского парка, когда в поле зрения появился ее заклятый враг. Даже на расстоянии было видно, какая у него широкая голова. На солнце поблескивали роскошные усы и прилизанные волосы.

Звали его Конни Ландин, он работал комиссаром криминального отдела, а врагом Ди заделался сразу после ее поступления на службу в Национальное оперативное управление к нему в подчинение. В начале ее просто раздражали его лень и неторопливость – это очень тормозило работу – но после катастрофы ситуация обострилась. Когда она вернулась, он начал обращаться с ней как с практиканткой. Никогда еще она не сортировала столько бумаг.

Ландин направлялся к Главному полицейскому управлению Стокгольма, поедая хот-дог.

Ди почти ничего не знала о Конни. Так, отдельные слухи. Говорили, что ему под шестьдесят, что когда-то он был женат, но детей нет, что он всю жизнь живет в Хёкарэнген к югу от Стокгольма и не собирается покидать родные края. Все свободное время, которого для комиссара Национального оперативного управления (НОУ) у него было подозрительно много, он посвящал своему питбультеру по кличке Ноу.

Но все это могло быть и мифом.

Ди наблюдала за широкоплечей фигурой в джинсовом костюме а-ля семидесятые. Конни Ландин словно вышел из сериала «Жизнь на Марсе», этакий осколок из другого времени, который совершенно не тушует, даже случайно оказавшись с неправильной стороны от рубежа эпох. Но если он и разделял идеалы среднестатистического полицейского из семидесятых, то тщательно это скрывал за бюрократической трусостью, вынуждающей его всегда искать самый простой и короткий путь.

Когда Ландин достиг, наконец, улицы Пульхемсгатан, выбросил в урну остатки сосиски и повернул лицо к весеннему солнцу, Ди показалось, что он смотрит прямо ей в глаза. Она инстинктивно отпрянула, но продолжала наблюдать. Кажется, в его взгляде появилось какое-то напряжение, что-то, требующее усилий, чего она никогда раньше в нем не замечала?

Когда он снова ускорился, Ди отодвинулась от окна. Она проехала по коридорам полицейского управления и вернулась в свой уголок разбирать бумажки. Ее действительно посадили в дальний угол офисного пространства, за специально приспособленный для инвалидов стол, который словно вдавливал ее в самое чрево Национального оперативного управления. К тому же половина ее, а значит, и половина обзора с ее места, закрывалась широким книжным стеллажом. Она чувствовала себя задвинутой не только в профессиональном плане, но и чисто физически. И географически.

Иногда, проезжая мимо своего бывшего кабинета, она заглядывала в приоткрытую дверь. Мужчина, сидевший там на ее месте, был не старше тридцати. Он так и излучал административный настрой.

К тому же его звали Эрьян.

Разумеется, она долго отсутствовала, пытаясь собрать по частям свое истерзанное тело, но ей определенно казалось, что взгляд ее, в минуты, когда удавалось его сфокусировать, обладал большой остротой и цепкостью. И она видела, как меняется мир. Побеждают администраторы и функционеры. А сама ключевая деятельность отходит на второй план. Неважно, о чем идет речь, будь то здравоохранение, образование, полиция, журналистика, театр, кино или художественное искусство – на первых ролях теперь сама *отрасль*. И те, кто ценит власть больше, чем творческий подход.

Но, возможно, она ошибается.

Ди подъехала к своему столу и, взглянув на кипу бумаг, вздохнула с тоской. Сегодняшний урожай старых дел, которые она рассортировала и оцифровала. Осталось отправить их на утилизацию, но этим она займется позже. Сейчас ей не хочется их видеть. Она выдвинула ящик стола. Взгляд упал на фотографию – это мужское лицо с R-образным шрамом преследовало ее и заставляло двигаться дальше. Но в последнее время эта движущая сила несколько ослабла – Ди нашла для себя другую мотивацию.

Она повернулась к слегка колыхающейся карте Стокгольма, висящей на широком стеллаже всего в метре от ее глаз, скрытой от остальных коллег. Из-за этих колыханий Ди и продолжала ее скрывать. Дело в том, что карта висела в сантиметре от стеллажа, к нижней рейке была приделана петля.

Привычным движением Ди высунулась из-за стеллажа и осмотрела офис. Вдалеке маячила пара фигур, в остальном в помещении было пусто.

Ди потянула за петлю, и карта взмыла вверх. Как штора.

За ней оказалось целое расследование.

Поскольку Ди сидела совсем близко, ей было видно все в деталях, несмотря на минимальные размеры материалов. Все равно все это предназначалось только для ее глаз. Распечатанные в мини-формате фотографии. И три рубрики: «5 марта», «5 апреля» и «5 мая».

Под ними – ландшафтные снимки. Виды. Все три переслал ей лично криминалист Робин, и все они практически идентичны. Морской берег, выступающие из воды скалы, с другой стороны – лесная опушка.

Ладно, сценарии не слишком специфичны, только в окрестностях Стокгольма таких тысячи, но вот дата. К тому же настораживает, что ни одно из трех тел не идентифицировано.

Ди внимательно взглядела в них. Фотографии с мест обнаружения – вряд ли это места преступления – и снимки с вскрытия. *Modus operandi* совершенно разный: сначала многочисленные ножевые ранения, потом удушение и, наконец, единственный выстрел в лоб, у того мужчины, которого она осматривала вместе с Робинем три недели назад, во время мучительной «прогулки» по пляжу. С того дня она медленно, но верно вела свое собственное скромное расследование.

Пожилый мужчина, молодая женщина, молодой мужчина. Жертвы ничем не связаны между собой – кроме того, что убили их с разницей ровно в месяц и положили трупы в похожих местах.

Но никто другой этой связи не видел.

Если теорию полицейского никто из коллег не разделяет, то, как правило, она оказывается ошибочной. «Бритва Оккама», полицейская версия. Всю свою профессиональную жизнь Ди жила по этому принципу. Конечно, она может ошибаться.

Хотя вряд ли.

Ди услышала покашливание совсем рядом и выглянула из-за стеллажа.

Над ее письменным столом нависал Конни Ландин. Она не успела даже опустить карту. Но чтобы разглядеть ее тайное расследование, Ландину пришлось бы наклониться над монитором и повернуть голову под строго определенным углом, а такие усилия, как известно, не были присущи его руководящему стилю.

– Ну что, Дезире, – сказал он, поглаживая усы на широком мясистом лице.

– Ну что, Конни, – ответила Дезире в том же духе.

– Я получил твое предложение, – сухо продолжал Ландин. – Третье за последние три недели. Я понимаю, тебе скучно, ты хочешь поскорее вернуться к настоящей полицейской работе. Но твоя выдумка о серийном убийце, папахивающая конспирологией, это прямая противоположность пути назад.

– Я просто сказала, что между убийствами прослеживается связь, – сказала Ди. – Серийного убийцу ты уже сам домыслил.

– Но это естественное продолжение твоих рассуждений, Дезире. Но способы убийства совершенно разные, и жертвы не связаны между собой. Ни один серийный убийца не будет себя так вести, и тебе это известно. А мы сейчас расследуем тяжелое убийство. Расследованием руководит Эрьян, он согласился взять тебя в помощники.

Взгляд Ди устремился к ее бывшему кабинету.

Эрьян. Тридцатилетний администратор.

– Это то самое, где человека зарубили топором в Тумбе?

– Настоящее дело, – воскликнул Ландин. – Хорошо известный профессиональный преступник, улики, подозреваемые. Такое дело, которое ведет к раскрытию преступления.

– А три трупа на пляже?

– Я передал их обратно в соответствующие отделы полиции. Они, собственно, не имеют отношения к Национальному оперативному управлению. Просто так получилось, что изначально они попали сюда. К тому же все три убийства оказались тупиковыми. Нигде ни малейших следов.

– Да ладно, Конни. Ты же понимаешь, что их просто неправильно расследовали. Ими занимались разные следователи. Ты серьезно вернул их в Норртелье, Вэллингбю и черт его знает куда еще? Тогда их никогда не раскроют.

Комиссар Конни Ландин расправил спину, вытянул шею. Снова погладил свои роскошные усы. Было очевидно, что он пытается найти подходящую формулировку.

– Ты, наверное, не очень хорошо понимаешь, что я хочу сказать, Дезире. Ты еще не до конца оправилась, поэтому я тщательно подбирал слова.

«Не до конца оправилась, – подумала Ди. – Интересно, какое у меня сейчас выражение лица?»

А Ландин продолжал:

– Теперь скажу прямо: отныне я *запрещаю* тебе заниматься так называемыми «пляжными убийствами».

Ди фыркнула и покачала головой.

– Теперь вопрос лишь в том, хочешь ли ты продолжить разбирать старые бумаги или присоединиться к команде Эрьяна. Только чтобы не высовываться там. И ответ мне нужен прямо *сейчас*.

Она тяжело вздохнула, помолчала. Потом кивнула.

– Я хочу, чтобы ты произнесла это вслух, – потребовал Ландин с сардонической улыбкой.

– Да, – мрачно пробурчала Ди. – Я готова помогать Эрьяну расследовать убийство топором какого-то алкоголика. Настоящий профессиональный вызов.

– Так-то лучше, – произнес Ландин и удалился.

Смотря ему вслед, пока он удалялся в бесконечность открытого офисного пространства, Ди размышляла, уловил ли он иронию в ее ответе. Обычно подтекст проходил мимо него.

Ди перевела взгляд на три рубрики.

«5 марта», «5 апреля» и «5 мая».

Она закрыла глаза.

А когда снова открыла, ей показалось, что эти три случая растворяются в тумане. Наверное, она вернулась на работу в полицию с излишним рвением. Возможно, это из-за особенностей реабилитационного периода, полного погружения в одиночество она стала такой странной. Или она просто не в форме.

Ди опустила карту и долго разглядывала план Стокгольма. Взгляд скользнул к северным пригородам.

А может быть, шанс все-таки есть.

7

Воскресенье, 28 мая

Хотя майский ветер дул с севера, было достаточно тепло, чтобы сидеть на мостках. Они сидели каждый за своим столиком, со своим гаджетом, и расстояние между ними казалось бесконечным. Бергер возился с похожим на краба аппаратом, Блум с головой погрузилась в свой ноутбук.

В целом над ними царил покой, напоминающий не то солидарность, не то перемирие.

Порыв ветра чуть не снес дрон со столика. Бергер поймал аппарат на лету, а Блум сказала: – Я закончила.

Взглядом гипнотизируя дрон, чтобы тот не улетел, Бергер подошел к Блум. Она включила видеозапись.

Сначала было видно только море. Оно выглядывало из-за песчаной дюны вместе с расхаживающими по пляжу чайками. Их головы как по команде повернулись в сторону камеры. Чайки с любопытством подлетели ближе.

– Неудачные поиски, – сказал Бергер.

– Да, наверное, надо было попробовать с другой стороны от дюны, – согласилась Блум.

Некоторые чайки при приближении к дрону благоразумно отклонялись, другие же, вероятно, молодые, подлетали так близко, что камера дергалась. Такое повторилось трижды, прежде чем чайки разлетелись кто куда, потеряв к дрону всякий интерес. Вот что значит опыт и мудрость. Дрон осторожно приблизился к напоминающему старинное поместье зданию в гордом одиночестве.

– Я потом обрежу, чтобы видео начиналось *здесь*, – сказала Блум.

Облетев поместье, дрон резко замедлился. На минимальной скорости он заскользил над классической обширной крышей.

Дальше все было похоже на замедленную съемку. Пространство стало двухмерным. Направленная вниз камера начала опускаться вдоль черепичной кладки, чешуйка за чешуйкой, бесконечно и монотонно, пока наконец не показался карнизный свес. Вдруг появилась глубина. Изображение вновь стало трехмерным.

И не просто трехмерным. Через мансардное окно «с небом прямо за углом» открывался вид на просторный номер люкс. Электрические жалюзи никто не закрыл.

Прямо под окном стояла кровать. В кровати лежал упитанный господин по имени Панайотис Скарпарис. Но он был не один. Россыпь золотистых волос веером закрывала поблескивающие на солнце подушки. Судя по всему, это и была красавица Хелена, а происходящее вполне подходило под слегка устаревшее понятие «соитие».

Пара в постели поменяла позу. Когда Хелена перешла к оральным ласкам, акт предстал в максимальном приближении.

– Хороший зум, – раздался голос за спиной у Бергера и Блум.

В то мгновение, когда дрон начал удаляться от мансардного окна, Сэм и Молли резко обернулись. Но опасность потенциального агрессора ограничивалась тем, что незаметно подкрававшаяся женщина сидела в инвалидном кресле, хотя такие мысли – явный предрассудок.

* * *

Взгляд гостии устремился к Эдсвикену, задержался там. Надолго.

Бергер незаметно наблюдал за ней. Да, это его прежняя Ди – и все же нет. На лице ее проступил отпечаток нового тяжелого опыта.

Он сидел с ней в больнице сколько мог. Получалось не так часто, как хотелось – много времени занимали фирма и забота о грудном ребенке – но достаточно часто, чтобы стать свидетелем ее медленного выздоровления. И всей ее боли.

Боль никуда не делась. Теперь она не выключала Ди из жизни, но все равно оставляла отчетливые следы.

– Как тебе удалось обойти камеры наблюдения вокруг эллинга? – спросил Бергер, бросив быстрый взгляд в сторону второго стола, за которым, погрузившись в компьютер, сидела Блум.

Ди повернулась к Бергеру и уже собиралась ответить, когда Молли Блум постучала по столу и сказала:

– Все готово. Снятое дроном видео однозначно доказывает измену. Запись отправлена Манолине Скарпарис в Ларнаку. Думаю, архиепископу она *не* понравится. Гонорар поступит на наш счет в течение дня.

Бергер медленно кивнул и устремил вопросительный взгляд на Ди.

– Пришлось выучить расположение камер опытным путем, – ответила она.

– В инвалидном кресле? – воскликнул Бергер.

– Вы были поглощены просмотром порнофильма...

Бергер и Блум переглянулись.

– Что ты здесь делаешь, Ди? – спросила Блум.

– Мне надо с вами поговорить, – ответила Ди.

Блум перешла к их столу и села.

– Сэм сказал, что ты снова вышла на работу, – сказала она. – Больше я ничего не знаю. Как здорово, что ты вернулась в полицию.

– В теории – да, – еле слышно пробормотала Ди.

– Я тоже больше ничего не знаю, – сказал Бергер. – Мне кажется, или я уловил в твоём тоне намек на очередные проблемы с Конни Ландином?..

– В таком случае, я очень сильно постаралась. Всего лишь намек?

– Наверное, чуть больше, чем просто намек, – согласился Бергер. – Так чего ты хочешь?

Ди поймала его взгляд. Они долго смотрели друг другу в глаза. Наконец, она отвернулась и сказала:

– Я думала, еще есть шанс. Но теперь даже не знаю...

– Чего именно ты не знаешь?

– По-прежнему ли вы способны ясно мыслить и решительно действовать.

На этот раз обмен взглядами между Бергером и Блум затянулся.

– Что ты имеешь в виду? – спросила наконец Блум.

– Расследование супружеских измен, – сказала Ди, всплеснув руками. – Видео с половым актом. Вы теперь этим занимаетесь?

– *Если*, – произнесла Блум с нажимом. – Если ты пришла просить нас о помощи, то, похоже, это *ты* ведешь себя так, будто лишилась способности ясно мыслить.

Пару напряженных секунд женщины смотрели друг другу в глаза. Потом Ди сказала:

– Туше.

Повернулась, сняла со спинки инвалидного кресла рюкзак. Порывшись, вытащила из него папку. Слегка похлопав по ней ладонью, произнесла:

– Если у вас, конечно, есть время...

Блум и Бергер снова переглянулись. Он заметил явное сомнение в ее глазах.

Сам Бергер, несомненно, считал, что у них найдется время на человека, который пожертвовал обеими ногами ради их дочери. К тому же кипрских денег должно хватить на какое-то время безбедного существования.

Но он знал, что Блум смотрит на вещи несколько иначе. Она хотела, чтобы их фирма, АО «Эллинг Секьюрити», держалась как можно дальше от любых сомнительных дел. Ее вполне устраивали ничем не примечательные случаи страхового мошенничества. Пока Блум обдумывала будущее – невыносимо тягучие мысли, обязательно затрагивающие курсы самообороны для женщин – она довольствовалась самыми бессмысленными и скучными делами. Теми, что не требовали больших усилий.

Но это лишь его перспектива.

– И что тут? – спросил Бергер, положив руку на папку.

– Серийный убийца, – коротко ответила Ди.

8

Воскресенье, 28 мая

В свете весеннего солнца подводные камни кажутся еще больше. Без ледяного одеяла они, казалось, намного выше выступают над поверхностью воды. Так же, как и отражение в панорамном окне выглядит значительно более рослым. Теперь у молодого человека другая осанка. Он растет.

Он растет по мере выполнения своей миссии. Эта миссия занимает все больше места у него внутри, накачивает его жизнью, делает более величественным. Ведь он создан именно для этого. И никак иначе.

Он наблюдал за своей левой рукой. Выжидал.

Никакой дрожи. В последнее время она появлялась все реже. Может быть, со временем удастся и вовсе избавиться от нее. Теперь, когда он нашел свое призвание.

Он должен это сделать. Так вышло. За несколько месяцев у него выработалась зависимость.

Столько различных методов. Первый раж, бесконечные ножевые удары, кровь на ноже. Он бросает беглый взгляд на низкий столик, на кровавые пятна, которые теперь уже выглядят как часть узора на скатерти. Лишь легкая тень на сине-зеленом узоре.

Затем все было по-другому. Во второй раз – полное спокойствие. Удушение, самый гуманный способ убийства. И, наконец, один-единственный точный выстрел в голову. Легкие убийства.

Тем грязнее все казалось потом.

Медленно двигаясь вправо вдоль заляпанного панорамного окна, он ощущает покалывание в теле. Значит, скоро пора действовать. Близится момент спасения.

Именно так. Вот что это для него. Ежемесячное спасение.

Ледостав.

Но до истинной чистоты еще далеко.

Когда исчезнет все.

Останется чистый лист.

На столе лежит старый блокнот. Совершенно плоский, обложка к обложке. А странички висят на стене. У него ушел целый день на то, чтобы аккуратно вырвать листы и прикрепить их на деревянную стену.

Он рассматривает их, не вчитываясь в выведенные знакомым педантичным почерком слова. Взгляд опускается ниже, продираясь через полосы весеннего света на стене, к немногочисленным рисункам из блокнота. Выполнены они так же скрупулезно и аккуратно, как и записи. Даже когда сверху, по другую сторону панорамного окна, загорается левый экран, молодой человек не может оторвать взгляда от первого рисунка. На нем – расчлененный младенец.

Наконец, он подходит к экранам и смотрит на тот, что засветился. Видит автомобиль, подъезжающий к тому месту, где заканчивается дорога. Это всего в паре сотен метров. Значит, машина проехала и шлагбаум, и многочисленные таблички с надписью «Проезд запрещен». Такое случалось и раньше. Интересно, как любопытным удастся прорваться за шлагбаум. Надо бы проверить. Когда эти уедут.

Обычно машины останавливаются на какое-то время, а потом разворачиваются. Но этот автомобиль припарковался, оттуда вышли двое. Молодой человек снимает со стены пульт и увеличивает регистрационный номер. ZUG 326. Автомобиль – старый зеленый «Сааб». Перед

ним стоят пассажиры, мужчина и женщина, молодые, возможно, и вовсе подростки. Ищут какой-нибудь уединенный, нагретый солнцем камень для первого в этом году секса на свежем воздухе.

Некоторое время они стоят, осматриваются, а затем направляются по узкой тропинке к дому. Не задумываясь, проходят еще одну табличку «Проход строго воспрещен». Теперь их фигуры крупнее, они все ближе к камере. Девушка темненькая, парень значительно светлее: он идет впереди, подбадривает ее, она, похоже, колеблется. В ту секунду, как они проходят камеру, загорается правый экран, картинка постепенно стабилизируется.

Наискосок виден высокий забор, на котором, видимо, и закреплена вторая камера. Забор продолжается поперек всего берега и даже заходит в воду. Парочка снова появляется в поле зрения, теперь они замедляют шаг. Парень впереди, девушка за ним. Она что-то кричит, протягивая к нему руки. Он подходит к забору, останавливается перед табличкой. Что на ней написано, отсюда не видно.

Молодой человек наблюдает за парой. Его защищает еще одна преграда, самая мощная. Все должно быть хорошо.

И все-таки его пальцы нащупывают длинное ружье с оптическим прицелом, прислоненное к стене у окна. Он крепко сжимает дуло, видя, как юнец на экране тянется к забору.

Он что, читать не умеет?

Даже на мониторе с низким разрешением отчетливо видна молния. Яркая вспышка едва проскальзывает вдоль руки парня и исчезает. Из-за отсутствия звука происходящее кажется еще более невероятным. Пару секунд юнец стоит как окаменелый. А потом просто падает назад, но к тому времени девушка уже успевает подбежать к нему и поймать.

Молодой человек в доме продолжает стоять, держась за ружье. Не меняясь в лице, он наблюдает за происходящим. Девушка поднимается, машет руками, хватается за телефон, потом передумывает, снова бросается к упавшему. Наконец, парень начинает шевелиться. Медленно встает, опираясь на девушку. Наклоняется вперед, его рвет. Пошатываясь, пара бредет к машине. Девушка поддерживает парня.

Они снова появляются на первом экране, садятся в свой старый зеленый «Сааб» – она на водительское место, он валится на заднее сидение – и на полной скорости уезжают.

Молодой человек наблюдает за экранами, пока они не гаснут, один за другим. Он размышляет.

Оценивает риски.

Этот мобильный в руках у девушки...

Она позвонила? Или не стала? Может быть, отправила сообщение?

Пара кому-нибудь говорила, куда собирается? Похоже, это была тайная встреча, возможно, даже запретная. Девушка совсем темненькая, явно из иммигрантов, наверное, и ее, и его родители достаточно консервативны.

Может быть, они слишком молоды для секса? Или ни у того, ни у другого нет водительских прав?

Закон не запрещает возводить забор под напряжением, если напряжение не слишком высокое, но его можно уменьшить.

И все-таки тут имеется кое-что *не для глаз* посторонних.

Вернутся ли ребята обратно? С целой бандой из какого-нибудь пригорода? Или, наоборот, заявят в полицию? Или расскажут влиятельным родственникам?

Все это лишь предположения.

Молодой человек стоит, замерев на месте, и думает.

«Старый зеленый „Сааб“», – думает он.

«ZUG 326», – думает он.

Он вешает пульт обратно на стену, не спеша ставит ружье прямо под ним, на пол. Возвращается к другой стороне панорамного окна. По-прежнему светит солнце. Совсем по-летнему. Наверное, из-за изменения климата.

Изменения, которые человек привносит в природу, даром не проходят.

Взгляд молодого человека скользит по стене, по аккуратно исписанным страничкам. Снова останавливается на странном рисунке, где изображен расчлененный труп младенца. Поразительно детальное изображение. Труп ребенка разрезан пополам по линии пупка.

На остальные детали тяжело смотреть.

Даже молодому человеку.

Он переводит взгляд на первый фрагмент текста. Преодолевая себя, читает:

«Мы слишком долго принимали тот факт, что должны умереть. В то же время я могу понять прежние попытки освобождения от смерти. Человеческие жертвы. Что-то должно умереть, чтобы что-то другое продолжило жить. В наши времена тоже приходится все время делать выбор между важными жизнями и неважными. Приходится приносить в жертву одних, чтобы спасти других. Только так можно достичь...»

Молодой человек больше не выдерживает. В его голове звучит назойливый, гнусавый и назидательный голос, хотя его уже не существует. Надо навсегда изгнать его из резонаторной полости черепа.

Он делает несколько шагов к низкому столику. Мгновение разглядывает сине-зеленую клетчатую скатерть. Отодвигает уголок. И сквозь слегка запотевшую стеклянную поверхность смотрит на бородатое мужское лицо.

Кажется, что мужчина спит.

9

Воскресенье, 28 мая

Они провожали ее взглядом. Как ей вообще удалось одолеть гравиевую дорожку на инвалидной коляске, осталось загадкой. Медленно, с трудом, преодолевая боль она двигалась в сторону поджидающего ее такси.

– С ней все будет хорошо, – сказал Бергер.

– Надежда умирает последней, – ответила Молли Блум.

– Почему ты так говоришь? – воскликнул Сэм, повернувшись к ней.

Блум пожала плечами.

– Обе ступни отрублены. Много чего должно сложиться.

Бергер вздохнул и подошел к доске, стоящей в кабинете Блум. Там особенно нечего было рассматривать. На столе лежала раскрытая папка Ди. Пустая.

– Какие мелкие фотографии, – сказал Бергер, приближая лицо к доске.

– И вообще, расследование в миниатюрном формате, – добавила Блум, становясь рядом с ним.

Он сразу же уловил ее скепсис.

– Что у нас сегодня? – спросил Бергер. – Двадцать восьмое мая? В таком случае у нас неделя...

– Да, если мы во все это поверили, – ответила Блум, указывая на три написанные на доске рубрики: «5 марта», «5 апреля» и «5 мая».

– Получается, три убийства, – вздохнул Бергер. – Три жертвы с неустановленной личностью. Три разных места вблизи Стокгольма с похожими, если верить Ди, пейзажами.

Ткнув в три крошечные фотографии, Блум добавила:

– Пустынный берег, торчащие из воды камни, с другой стороны – полоска леса.

Некоторое время Блум и Бергер смотрели друг на друга. Потом на лице Бергера нарисовалась гримаса.

– Разумеется, существует риск, что у Ди просто разыгралась фантазия, – согласился он. – Прямой связи не прослеживается.

– В любом случае, рассмотрим это дело, – сказала Блум. – Потом можно будет добавить в досье.

Бергер вздохнул, а Блум сделала глубокий вдох и продолжала:

– Случай первый, пятое марта: пожилой мужчина, восемнадцать ножевых ранений в область живота, груди, лица. Найден в первой половине дня дамой с собачкой на севере острова Фэрингсё, в озере Мэларен. Патологоанатомы определили время смерти как ночь на пятое, в промежуток с двух до шести часов. Отпечатков пальцев в базе нет. По ДНК или стоматологической карте убитый также не идентифицирован. Сначала расследование вел Магнус Ульссон из Национального оперативного управления, потом дело передали в местный отдел полиции Вэллингбю.

– Чудесно, – съязвил Бергер. – Случай второй, пятое апреля: Женщина лет тридцати, задушена, предположительно веревкой. Найдена компанией молодежи около четырех часов утра на маленьком пляже, на островке Бьёркё близ Норртелье. Смерть наступила пятого числа между полночью и тремя часами ночи. Также никаких совпадений по отпечаткам пальцев, ДНК или стоматологической карте. Убийство изначально расследовалось Ингой-Бритт Стенссон из НОУ, а потом было передано обратно в Норртелье.

– И, наконец, третье убийство, – сказала Блум. – Пятого мая. Мужчина лет тридцати, выстрел в лоб с близкого расстояния. Труп обнаружила прогуливающаяся пара на островке Мёркё близ Сёдертелье только в два часа дня. Это туда Ди ездила на такси. Время смерти – с часу до пяти часов ночи пятого мая. Отпечатки пальцев, зубная карта, ДНК – все мимо. Этим делом НОУ даже не успело заняться, как его уже передали обратно в Сёдертелье. В НОУ его должен был расследовать Улле Шёблум.

– Итак, – произнес Бергер. – Убийства совершены сразу же после полуночи пятого марта, апреля, мая. Орудия убийств не найдены. В том, что не нашлось совпадений по ДНК или отпечаткам пальцев, нет ничего удивительного. Просто жертвы не имели отношения к криминальному миру. А вот отсутствие совпадений по стоматологическим картам, как и тот факт, что никто не разыскивал убитых, кажется странным. В этом отношении НОУ проделало тщательную работу. Трое убитых, которых никто не ищет и не ждет.

– С другой стороны, что касается стоматологических карт, мы знаем, тут бывают провалы, – возразила Блум. – Люди часто проявляют небрежность. Не всегда карты обновляются.

– Но три штуки? – спросил Бергер. – У всех троих?

– Такое случается, – пожала плечами Блум.

Потом подошла ближе к доске и взгляделась в мелкие снимки.

– Вид и правда практически идентичный.

– Похоже, все три жертвы были *перенесены* в эти конкретные места, – сказал Бергер, уткнувшись в криминологический отчет. – Все-таки не будем забывать, что все это может оказаться лишь фантазией Ди. Но если это не случайное совпадение, убийца, должно быть, тщательно все спланировал.

– Давай на минуту представим, что так оно и есть, – предложила Блум. – Что-то вроде ролевой игры. Если все спланировано, то кто эти жертвы? Случайно выбранные порядочные граждане, которые никогда не лечили зубы?

– При этом, наверное, одинокие? – добавил Бергер. – Раз никто не заявил об их исчезновении. Для убийцы это хороший способ сделать так, чтобы не было видно связи – тогда полиция не за что будет зацепиться. И он сможет продолжать убивать до бесконечности.

– Он? Мы не раз на собственной шкуре убеждались, что убийцей с таким же успехом может оказаться женщина.

– Хотя по статистике мужчин-убийц по-прежнему больше.

– А разве он не должен был их знать *лично*? – спросила Блум. – Иначе как выяснить, что люди одиноки и их никто не хватится?

– Возможно, поэтому ему и нужен целый месяц между убийствами? Чтобы изучить обстоятельства жизни своих жертв?

– Но тут получается *ровно* месяц... Возможно, *пятое* число что-то значит для убийцы? Что-то особое?

Присев на край стола, Бергер искоса взглянул на Блум – одновременно подозрительно и удивленно – и снова принялся изучать материалы на доске.

– В таком случае у нас *действительно* одна неделя. Что-нибудь еще интересное в материалах расследования встретилось? Может, какая-нибудь ниточка, которую Ди упустила?

– Вряд ли, материалы довольно скудные, – сказала Блум, махнув рукой в сторону доски.

– Ничто не бросается в глаза, не настораживает?

– Я читаю комментарии и заметки самой Ди. Что это тут написано, справа внизу?

– Выглядит как «а.а.р», – ответил Бергер, прищурившись. – Это мне ни о чем не говорит.

– Ее явно зацепила толстовка, – сказала Блум, выпрямив спину.

– Толстовка?

– На третьей жертве, – пояснила Блум, указывая на фотографию с места убийства. – Фирменная толстовка «Nautica» с крупным логотипом на рукаве. Похоже, это старый бренд, которого уже не существует.

– Старый?

– Из девяностых, как сказала Ди. Тогда он был суперпопулярен среди – как она там пишет – «снобов, катавшихся на яхтах в США».

– И? – спросил Бергер. – Половина моего гардероба из девяностых.

– Знаю, – не без иронии ответила Блум. – И я понимаю, о чем ты говоришь: на жертве номер три была старая одежда. Типа, винтаж. Но мне понятно и то, на что намекает Ди: жертва могла где-то сидеть с девяностых.

– В неволе?

Блум пожала плечами.

– Продолжим играть с гипотезами, – сказала она. – *Допустим*, я продолжаю: возможно, именно поэтому их никто не ищет. Потому что их некогда похитили. А не потому, что у них никого нет.

– Ты считаешь, это звучит правдоподобно? – воскликнул Бергер. – Сколько тогда лет было этому мужчине, когда он исчез? Около тринадцати? И весь период его отрочества и полового созревания его держали в неволе? Получается, мы имеем дело с новой Наташей Кампуш? Или еще того хуже. Ее похититель, Вольфганг Приклопиль, удерживал в подвале восемь лет. А здесь получается лет двадцать. Довольно притяннутая за уши гипотеза, основанная лишь на старой толстовке...

– Это же просто ролевая игра? Ничего больше.

Бергер согласно кивнул и ответил:

– На первых двух трупах тоже старая одежда?

– Криминалисты, конечно, тщательно осмотрели одежду на предмет волокон, ДНК и отпечатков пальцев, но что именно за одежда была на убитых, похоже, никто не обследовал.

– А что подсказывает тебе женская интуиция?

Блум бросила на Бергера быстрый взгляд и тут же уткнулась в фотографии одежды жертв.

– Мое не связанное с полом чувство стиля подсказывает мне, что на женщине в момент убийства была повседневная одежда, джинсы и футболка, на первый взгляд не определить, насколько современная. А пожилой мужчина был одет элегантно, но при этом непринужденно, в современную стильную пижаму, возможно, сшитую на заказ. Я бы очень удивилась, окажись она родом из девяностых.

– Все, значит, эту теорию отменяем, – сказал Бергер. – Что скажешь об этом пожилом мужчине? И, собственно, об остальных. Что они за люди?

– Лицо довольно сильно пострадало, – ответила Блум, указывая на фотографию. Но все же, по-моему, понятно, что ему лет семьдесят. Хотя для своего возраста хорошо сохранился.

– Натренированное тело?

– И это тоже. А еще маникюр, педикюр, загар, ухоженная кожа. Возможно, не обошлось и без пластической хирургии.

– А медицинское заключение относительно возраста жертвы имеется? – спросил Бергер.

– Медицинского нет, – ответила Блум, вглядываясь в написанное. – Только общая оценка патологоанатома. Мужчина, возраст от шестидесяти пяти до семидесяти пяти лет. Судя по тому, что я вижу, скорее первое, чем второе.

Тяжело вздохнув, Бергер сказал:

– Значит, такой редкий экземпляр, как состоятельный, не пропитый насквозь мужчина шестидесяти пяти лет. А что с женщиной?

– По оценке патологоанатома, ей лет тридцать. Мне не определить, откуда она, из какого места и каких социальных слоев, но взгляни на нее.

– Что? – спросил Бергер.

– Посмотри на нее своим гетеросексуальным взглядом. Она ведь красива?

– Она мертва.

– Да ладно тебе, – сказала Блум. – Ты видел множество мертвецов. И можешь оценить, как она выглядела при жизни.

– Ну, тогда задам тебе встречный вопрос. Ты не находишь, что последний убитый – просто красавчик?

Какое-то время они смотрели друг на друга. Наконец, Бергер произнес:

– Нет, все они явно одиночками не были.

– Можно быть красивым и одиноким.

– Вряд ли...

Блум походила туда-сюда по кабинету. Остановилась у окна, устремив невидящий взгляд на залитую весенним солнцем лужайку.

– Итак, что мы имеем? – спросила она. – За последние три месяца убиты три красивых человека, каждый своим способом, но все трое – пятого числа. Трупы перенесены в похожие места от Норртелье на севере до Сёдертелье на юге. Оттолкнуться практически не от чего. Как будем действовать?

Бергер размял шею, так что она подозрительно хрустнула, и сказал:

– Подробные карты Бьёркё, Фэрингсё, Мёркё. Обрати внимание, что все это острова. Попытаемся вычислить маршрут. Возможно, вдоль дорог есть камеры. Я могу связаться с нашей любимой дорожной полицией. Проверим, есть ли совпадения.

– Хотя Бьёркё, строго говоря, не остров, – возразила Блум. – Уже сто лет как. Эволюция почвы и все такое. Привлечь Самира – отличная идея. Он ведь не будет своевольничать?

– Обязательно будет, – ответил Бергер. – И своевольничать, и любопытничать. Еще?

– Робин, – сказала Блум. – Ди намекнула, что он уловил связь, но не хотел это признать. Придется немного на него надавить. Нам нужна подробная криминологическая и судебно-медицинская экспертиза.

Бергер раскрутил лежащую на столе ручку и продолжил:

– Не знаю, насколько целесообразно пытаться пообщаться с разными полицейскими участками. Я уже не говорю о коллегах Ди по Национальному оперативному управлению. Зато она может попытаться раздобыть у следователей их сырые материалы. Вдруг там что-то, чего мы не заметили.

– Думаешь, стоит подвергать ее такому риску?

– Это может оказаться необходимым, – сказал Бергер. – Похоже, в НОУ никто не воспринял эти расследования всерьез. По крайней мере, когда стало ясно, что зацепок нет. Допускаю, что они были невнимательны, и из материалов можно что-нибудь вытянуть. А наши дорогие отделения полиции Норртелье, Вэллингбю и Сёдертелье только получили дела. Вряд ли они могут что-то сказать вот так, сразу. Можем связаться с ними позже. Неофициально.

Блум еще раз обошла кабинет. Ее компьютер издал какой-то звук, она наклонилась к нему и поводила мышкой.

– С Кипра поступил гонорар, – сказала она. – Нам бы еще парочку таких стимулирующих выплат, чтобы можно было продолжать.

– Во всяком случае, сейчас у нас есть время и средства на ролевые игры, так сказать. Что еще мы имеем?

– Географию. Исходим из того, что *новое убийство* будет совершено в ночь на пятое июня, через неделю. Осталось выяснить, *где* оно произойдет. Можно ли что-то прогнозировать, исходя из точек Фэрингсё-Бьёркё-Мёркё? Что, если не только во времени, но и пространстве прослеживается некая симметрия?

– Хорошо, – сказал Бергер. – На этом тоже имеет смысл сосредоточиться. Что мы упустили?

– Есть еще кое-что, – ответила Блум, передвигая фотографии по доске так, чтобы три трупа легли рядом, каждый на своем песчаном пляже в окрестностях Стокгольма.

Разглядывая снимки, Блум водила по ним пальцем. Наконец, она спросила:

– Что тебе бросается в глаза?

Бергер подошел вплотную к доске. Попытался увидеть фотографии непредвзятым, спокойным взглядом.

– Они выглядят довольно, не знаю... ухоженными.

Блум задумчиво кивнула.

– Три трупа, три совершенно разных способа убийства, – сказала она. – У одной жертвы полностью изрезано лицо, да и почти все тело выше пояса. Второе и третье убийства гораздо менее драматичны. И все же что-то объединяет всех троих. Может, благоговение?

– Благоговение?

– Да. Разумеется, они все выглядят ухоженными. Но в первую очередь жертвы производят впечатление, будто о них очень *заботились*. Понимаешь, о чем я, Сэм?

Он старался изо всех сил. И все-таки увидел то, что заметила Блум.

– Когда они уже были мертвы, он... ухаживал за ними?

– Что-то в этом роде, – подтвердила Блум. – Он их укладывал как надо, всячески обихаживал. Правда, слишком поздно. Конечно, он хотел их убить, но в первую очередь – позаботиться о них. По крайней мере, о последних двух жертвах.

Бергер перевел взгляд с фотографий на Блум и обратно. Она действительно увидела то, чего он не заметил. Имело ли это какое-то значение? Учитывая, что она вообще не верила в это дело.

– Мы по-прежнему лишь разыгрываем сценку? – спросил он.

– Возможно. А может быть, и нет, – сказала Блум, выйдя из задумчивости. – К тому же мы, вероятно, недооцениваем эту толстовку, о которой говорила Ди...

– Что ты имеешь в виду?

Блум приблизилась к доске, пристально всмотрелась в фотографию последней жертвы, нахмурила брови и задумчиво произнесла:

– Он похож на человека, который станет носить толстовку двадцатилетней давности?

– Ты о третьей жертве? О яхтсмене?

– Да, – ответила Блум. – Что, если в момент исчезновения он действительно был тинейджером. И на нем была самая крутая в его гардеробе вещь. Кто-то похитил его и держал взаперти. То же самое произошло и с остальными. По нашему гипотетическому сценарию мы имеем дело с престарелым похитителем. Ему надоели все эти жертвы. И он от них избавляется, убивая одну за другой. Звучит надуманно, но, может, нам поискать в заявлениях об исчезновении многолетней давности?

– А они вообще оцифрованы? – спросил Бергер.

– Давай попробуем. Подростки, пропавшие в девяностые годы. А также мужчина лет пятидесяти.

Бергер бережно обнял Молли за плечи, заглянул ей в глаза.

– Значит, теперь мы в этом верим? – спросил он.

Освободившись, Блум развела руками:

– Мы верим Ди. Верим в то, что должны дать ей какой-нибудь ответ. Но главное – нам очень нравятся ролевые игры.

Бергеру никогда даже в голову не приходило, что ему могут нравиться ролевые игры.

– Так убийца существует или нет? – спросил он. – Мне нужен четкий ответ. Да или нет? Ноль или один?

– Ну, тогда ведь ролевой игры не получится? – ответила Блум.

10

Понедельник, 29 мая

На прошедшем в первой половине дня совещании ее новый начальник, Эрьян Бруун, проявил полное отсутствие гибкости. Пока он, используя свои хорошо отточенные властные приемы, демонстрировал собственную силу и влияние, Ди прокрутила в голове все дело.

Совещание закончилось тем, что Ди поручили ассистировать инспектору Инге-Бритт Стенссон в определении местонахождения парочки возможных свидетелей, алкоголиков и наркоманов. После чего она, не говоря ни слова, откатилась от стола.

Теперь она снова сидела в своем маленьком уголке мира, уткнувшись в материалы расследования.

На первый взгляд, все просто. Широко известный в узких кругах профессиональный преступник зарублен топором в собственной квартире в районе Стурвретен, в Тумбе. Он вращался в кругах попавших во всевозможные полицейские реестры наркоманов, особых зацепок в деле не было, если не считать свидетелей – дружков-ширяльщиков. Двое из них уже сидели под следствием, но ничего толкового вытянуть из них не удалось, еще двух полиция не могла найти.

Она рассматривала фотографии с места преступления и с патологоанатомического стола. Удивительным казалось не то, что топор так глубоко застрял в черепе, что оставался там и при аутопсии.

Удивляло то, что он был совершенно новый.

В сознании Ди медленно сгустилась какая-то тень. Некий голос. Мужской голос, откашливающийся все громче. Наконец, она подняла глаза.

И встретила взглядом с Эрьяном.

Теперь у него было другое выражение лица, нежели на совещании. Прежде чем Ди решила не забивать себе этим голову, она успела заметить, что он старается напустить на себя примирительную мину. У нее не было сил размышлять, к чему бы это. Поэтому Ди просто спросила:

– Почему он новый?

– Кто новый? – спросил Эрьян, выдавив из себя улыбку.

– Топор. Убийство было совершено в какой-то грязной дыре. Вряд ли там стоял новехонький топор, выделяющийся на фоне остальной обстановки. Так же как вряд ли у кого-то из твоих четверых подозреваемых хватило средств и фантазии купить новый топор лишь для того, чтобы прикончить своего приятеля.

Эрьян Бруун размял шею, огляделся и спросил:

– Ты уже начала разыскивать тех двух наркоманов, Дезире?

– Нет еще, – пробурчала Ди.

– Хорошо, – сказал Эрьян.

– Хорошо? – переспросила Ди.

Эрьян откашлялся. Теперь он казался значительно моложе своих предполагаемых тридцати лет.

– У нас есть прямые директивы относительно того, в каком направлении вести расследование, – сказал Эрьян.

– Объективные, как и по отношению к остальным расследованиям? – спросила Ди.

– Только если не официально, – ответил молодой комиссар, внимательно глядя на нее.

Ди пыталась расшифровать его взгляд. Теперь он казался ей неоднозначным и гораздо более интересным, чем раньше. Он чего-то хотел. И уже начал намекать, чего именно.

Но ей требовалось буквальное подтверждение.

– Я правильно понимаю, что ты призываешь меня мыслить самостоятельно? – спросила она, понизив голос.

Эрьян поморщился, от чего вдруг начал выглядеть значительно старше своих предполагаемых тридцати, и ответил полушепотом:

– Наши директивы связывают по рукам и ногам. Мне нужна... ну да, объективная перспектива.

– Ты ведь знаешь, что у меня чисто офисная должность, да?

– Но тебя же не цепями в офисе приковали?

Теперь Ди посмотрела на него серьезным взглядом. Эрьян всегда казался ей туповатой версией пресловутого боевого пса Конни Ландина. Скорее, комнатной собачкой.

Неужели сейчас она стала свидетелем неожиданного восстания комнатной собачки против своего хозяина?

Или они пытались вынудить ее совершить служебную ошибку, чтобы раз и навсегда избавиться от полицейского-инвалида?

Ей следует проявлять еще большую осторожность. Но ради возможности снова поработать настоящим оперативником она была готова на все.

– Будешь отчитываться напрямую мне, – тихо произнес Эрьян Бруун.

– А Конни Ландин? – спросила Ди.

Многозначительно поморщившись, Эрьян повторил:

– Напрямую мне.

Ди смотрела ему вслед. Ей показалось или в его походке появилась новая упругость?

* * *

Через несколько минут она уже сидела в социальном такси. Ди снова с головой погрузилась в изучение материалов дела.

Убитого звали Стефан Лундберг, и самым интересным эпизодом в его преступной карьере было членство в «Hells Angels». Тот факт, что членство это бывшее, особо привлекал внимание. Разумного объяснения следователи НОУ найти не смогли, но, поскольку после этого Лундберг прожил еще довольно долго, логично было предположить, что из клуба его исключили. Ди знала, что причины для исключения из мотоклуба «Hells Angels» могли быть разными, но все они так или иначе связаны с нарушением жестких внутренних правил. В худшем случае, тебя объявляли вне закона, *out*, а это означало смертный приговор. Более мягкий вид наказания, *frozen*, предполагал, что ты сдаешь куртку до тех пор, пока не решишь свои проблемы – с долгами или наркотиками – а если не решаешь, уже объявляешься вне закона. Вероятно, это и было разумным объяснением в случае со Стефаном Лундбергом. Даже для человека из подобных кругов он слишком увлекался наркотиками.

В остальном: пятьдесят восемь лет, непропорционально большой процент жестоких преступлений среди всех правонарушений, связанных с наркотиками. Несколько раз лечился от наркозависимости, пять реальных тюремных заключений, не женат, детей нет. С раннего возраста Стефан Лундберг проявлял склонность к насилию и жестокости – два раза помещался в закрытые исправительные учреждения для подростков – чтобы затем получить статус *hangaround*, через пару лет – *prospect*, а в возрасте двадцати пяти лет стать полноценным членом клуба «Hells Angels». На фотографии, где ему около тридцати, на нем футболка с надписью *Filthy Few*. Насколько было известно Ди, это значило, что он совершил для мотоклуба убийство. За время членства в клубе он дважды сидел в тюрьме, за побои с особой жестокостью и за непреднамеренное убийство. Неясным оставалось, когда именно от откололся от «ангелов», но с тех пор в его «послужном списке» преобладали преступления на почве наркотиков.

Ди умела читать регистры преступлений и выуживать из них максимум информации. Каким человеком был этот Лундберг?

Здесь все просто.

Он был свиньей.

Сегодня понедельник, двадцать девятое мая. В ночь на среду, двадцать четвертое, подвыпивший сосед поднимался по лестнице своей многоэтажки в Стурвретене и заметил, что дверь в беспокойную квартиру этажом ниже его собственного приоткрыта. Он заглянул внутрь и увидел, что Стефан Лундберг лежит на полу в гостиной, среди полного беспорядка, с топором в голове.

Таксист как раз свернул на Стурвретен и теперь подъезжал к нужному дому, затерявшемуся среди многочисленных точно таких же белых высоток.

– Белый город, – пробормотал он с иронией.

– У вас ведь написано в заказе, что нужно подождать меня здесь, а потом отвезти обратно? – уточнила Ди на всякий случай.

Водитель невольно поежился, но внял уговорам Ди и не стал выходить из машины, чтобы помочь ей. Ди на костылях поковыляла к лифту.

На входной двери еще остались фрагменты сине-белой ограждающей ленты. Ди быстро достала отмычку и проскользнула внутрь. Никого из соседей не было видно.

Грязное логово – это еще мягко сказано. Квартира выглядела почти как декорации. Коробки, явно с награбленным добром, разбросанные повсюду банки и бутылки, смятые и разбитые, наполовину накрытые грязными простынями рвотные массы на прогнивших диванах – и, наконец, пятно запекшейся крови на полу, который когда-то считался паркетным.

Ди заметила отчетливые следы работы криминалистов, но кровавое пятно осталось. Она начала медленно опускаться, держась за костыли, дециметр за дециметром. Обе ноги словно молниями пронзило. Ди отложила костыли и встала на колени.

Она изучала засохшее пятно крови взглядом криминалиста. Брызги, след от головы. Направление падения, угол удара. Все это криминалисты уже проверили. Но важно было увидеть картину собственными глазами.

Она нащупала костыли и с трудом поднялась на ноги. Высмотрела более или менее чистый подоконник, присела на него и вытащила из рюкзака папку.

Вырисовывалась отчетливая картина произошедшего. Была ночь. Судя по всему, Стефан Лундберг сидел на ближайшем диване, он поднялся и оказался лицом к лицу с нападающим. Должно быть, все случилось быстро – никаких следов сопротивления на руках – и удар оказался точным, учитывая сниженную из-за высокого содержания алкоголя и опиатов в крови скорость реакции Лундберга. На новеньком топоре не осталось следов ДНК, кроме самого Лундберга, или отпечатков пальцев.

Если Стефан Лундберг и четверо его дружков, присутствовавших, по всей видимости, при убийстве (в квартире обнаружилось полно ДНК всех четверых, и больше ничьей), сидели на диванах и употребляли наркотики, то, получается, один из них вдруг, совершенно осознанно и профессионально, натянул перчатки, схватил только что купленный топор и с удивительной силой и точностью разбил им череп приятеля, причем тот даже пальцем не успел пошевелить.

Такова была официальная версия. В которой Эрьян явно начал сомневаться.

А какую альтернативу может предложить Ди?

Вариант только один: неизвестный злоумышленник непонятным образом проникает в квартиру, Лундберг встает, ничего не подозревая, злоумышленник, одетый в перчатки, со всей силы ударяет его новым топором, попадает точно в голову и быстро удаляется, пока дружки-наркоманы приходят в себя. Вполне возможно, что, прощаясь с Лундбергом, они даже не заметили, что у него в голове топор.

Вот такие свидетели. Единственный шанс получить свидетельские показания об настоящем убийце. Именно поэтому они важны, и допросить их следует с пристрастием.

Но тут заслуги Ди нет. Ей нужно что-то свое, то, что она, *вероятно*, сможет предоставить Эрьяну. *В худшем случае* предоставить, так как полностью доверять ему она пока не готова.

Но он открыл ей дверь в свободное пространство, а таким не пренебрегают. Надо найти хотя бы что-нибудь. Она порылась в подсознании. Там явно что-то есть...

Одно слово. *Чужая*. Оно как будто застряло у нее внутри.

Она принялась судорожно рыться в бумагах. Что значит «чужая»? Где она могла это видеть или слышать?

Наконец, Ди наткнулась на нужную формулировку. «Широко известный криминальный авторитет зарублен топором в чужой квартире в районе Стурвретен, Тумба». Звучит как заголовок, придуманный апатичным практикантом из газеты «Афтонбладет».

Почему квартира *чужая*?

Да, она съемная. Хотя на почтовом ящике почти детским почерком выведено «Лундберг», только теперь Ди заметила, что ни один из пятерых наркоманов не был указан в качестве квартиросъемщика. А кто тогда?

Ответ Ди нашла в самом низу, почти в примечаниях. Квартиру сдавало муниципальное жилищное агентство «Тумбабюгген». Изначальным квартиросъемщиком выступала фирма под названием АО «Абаддон». Никакой дополнительной информации об этой фирме не нашлось.

Конечно, она поговорит с двумя задержанными товарищами, прежде чем они снова исчезнут в своем нереальном мире. Но сейчас надо заняться другим. Хвататься за любую соломинку.

Что такое АО «Абаддон»?

И что это за *чужая* квартира?

11

Вторник, 30 мая

Поскольку Управление судебной медицины и Национальный центр криминалистической экспертизы нередко сотрудничали, предстоящая встреча была менее случайной, чем могло показаться. А поскольку Молли Блум всегда было сложно провести черту между различиями в их работе, она придумала для себя такое объяснение: граница между этими учреждениями проходит по коже. Человеческой коже.

Все, что внутри – Управление судебной медицины. А снаружи – Национальный криминалистический центр.

Она просто позвонила Робину, и он, к ее удивлению, ответил. Судя по звукам в трубке, он ехал по автотрассе. В голосе Робина слышалось напряжение, однако он сообщил, что в первой половине дня будет в Стокгольме, на совещании в Управлении судебной медицины, и сможет уделить ей полчаса ближе к обеду, до отъезда домой, в Линчёпинг. Там ему предстоит работа с «весьма занятой автомобильной аварией» в районе Вестйэдра, недалеко от Вестероса.

Блум вкратце изложила Робину суть своего вопроса, прекрасно осознавая, насколько нежелательны для официальных учреждений контакты с частными конторами. Она разыграла единственную имеющуюся у нее карту. Ди. Блум знала, как трепетно Робин относится к Ди. Не вдаваясь в подробности, она намекнула ему, в чем дело. Здоровяк издал громкий протяжный стон. Наконец, он сказал:

– Думаю, я смогу притащить на встречу и Роклунда.

Неожиданный бонус. Судмедэксперт Роклунд подписывал все три заключения, так же, как Робин проводил все три криминологические экспертизы.

Интересно, они обсуждали эти убийства? Возможно, обнаружили что-то еще? То, чего не заметило НОУ и этот жалкий Конни Ландин.

Несмотря на то, что за это дело Молли Блум взялась неохотно, она не без надежды вошла в мрачноватый конференц-зал, окрашенный ощущением непосредственной близости смерти, в Управлении судебной медицины в самом центре Стокгольма.

И даже десять минут ожидания в одиночестве не смогли приглушить этого чувства.

Наконец, в зал вошла Ангелика Роклунд, одетая в белый медицинский халат. При виде Молли у нее челюсть отпала. Пялясь на Блум, статная дама лет пятидесяти удивленно произнесла:

– Но мне сказали, придет полицейский.

Она села на почтительном расстоянии от Молли и отвела взгляд. Поняв, что разумного ответа на реплику Роклунд ей не подобрать, Блум предпочла просто промолчать. Она уткнулась в свои записи, делая вид, что читает.

Минуты до прихода Робина показались Молли настолько долгими, что она задумалась о значении понятия субъективного времени. Но разве время не замедлилось *чисто объективно*? Как будто какой-то космический феномен исказил все четвертое измерение.

– Почему вы сидите так далеко друг от друга? – прогремел голос Робина над ними.

Он вошел, расставив руки, словно для горячих объятий.

– Придвигайтесь, мои дорогие.

Его огромное тело как будто излучало гравитацию. Обе женщины невольно подсели ближе. Наконец, троица устроилась поудобнее.

Покачивая головой, доцент Ангелика Роклунд произнесла:

– Робин, ты же говорил, что придет полицейский. Что открылась новая перспектива. А у нас тут сидит частный детектив.

Покивав головой, Робин ответил:

– Так же как и тебе, Ангелика, мне бы хотелось, чтобы мир оставался таким, каким он был в моем детстве и в ученические годы. Чтобы всегда было понятно, что хорошо, а что плохо. Но даже в те времена все было не так просто, хотя существовали некие непререкаемые авторитеты. А теперь нас вынуждают думать самостоятельно, разумеется, на основе научных знаний.

– И все-таки в самом сердце Управления судебной медицины сейчас сидит частный детектив. Хотя ты прекрасно знаешь, что значит неразглашение, Робин.

– Ангелика, мы оба были несколько встревожены тем, как полиция отнеслась к этому делу, помнишь? И, кстати, я, в отличие от тебя, отношусь к Полицейскому департаменту.

Роклунд поджала тонкие губы, поморщилась и скрестила руки на груди. А Робин продолжал:

– И тут вдруг появился человек из полиции, который заметил в деле то же, что и мы.

Молли Блум откашлялась, чтобы напомнить о своем присутствии, и сказала:

– Я первая соглашусь, что, будучи консультантом по безопасности, сталкиваешься с самыми необычными работодателями. Приходится заниматься самыми странными делами. Поэтому я, на самом деле, никогда не хотела оказаться в этом мире, ведь я, как бывший сотрудник отдела безопасности, тоже воспитана на нормах старого мира. Но в данном конкретном случае все просто. Женщину-полицейского отстранили от ее непосредственных обязанностей только из-за инвалидности. Она пострадала на службе, с ней ужасно обошлось начальство, и ей нужна помощь извне.

– Только тут уже речь не о нормах правового государства, – возразила Ангелика Роклунд. – Вся разумная иерархия разрушится, если каждый полицейский, считающий, что с ним несправедливо обошлось начальство, побежит к частным детективам. Вы можете быть сколь угодно лояльными. Мы относимся к государственным органам власти, откуда нам знать, какой вирус вы занесете нам в систему.

Блум опешила. Все, что она хотела сказать, просто застряло в горле. Потому что, по сути, Роклунд была права. Но тут в разговор вмешался Робин:

– С другой стороны, вся наша деятельность строится на здравом смысле. На здравых идеях умных и образованных людей. Мы считаем, что АО «Эллинг Секьюрити» работает на иностранное государство? А даже если так, какие такие секреты мы можем раскрыть?

Роклунд медленно покачала головой.

– А есть хотя бы контракт? Чтобы можно было посмотреть, кто заказчик?

– У нас устный договор, – ответила Блум.

– Это не подойдет, – поморщилась Роклунд.

Тяжело вздохнув, Блум сказала:

– Моя личная история слишком длинная, чтобы рассказывать ее сейчас – Робину скоро на поезд – но я думаю, он может поручиться за меня. И за АО «Эллинг Секьюрити».

– Да, – четко ответил Робин и замолчал.

Взгляды Роклунд и Блум пересеклись – два сильных умных взгляда – и что-то произошло.

– Чего вы хотите? – спросила Роклунд.

– Три трупа на побережье, в очень похожих местах, все трое убиты где-то в другом месте в ночь на пятое марта, пятое апреля, пятое мая, потом привезены на пляж, никаких следов, никто из убитых не опознан. Почему?

– Начни ты, Робин, – сказала Роклунд, опустив взгляд.

Откашлявшись, Робин начал:

– У нас нет ничего *конкретного*. Разные типажи жертв, различные способы убийства, никаких признаков издевательств или побоев, кроме непосредственных причин смерти, никаких следов сексуального насилия, никаких типичных для серийных убийц ритуалов, ни трофеев, ничего такого. Как нет и признаков участия организованной преступности или асоциальных элементов. Но уже одного факта, что следы во всех трех случаях были так тщательно замечены, должно было хватить, чтобы оставить дела в НОУ и объединить их в одно. И это мы еще не начали говорить о датах.

– Ко всем трем местам обнаружения есть автомобильные подъезды? – спросила Блум.

– До определенной степени. Но до самого места трупы *тащили*. Примерно сто-двести метров.

– Если преступник действовал в одиночку, он, должно быть, очень сильный?

– Мужчина в самом расцвете сил, если хочешь знать мое мнение, – ответил Робин. – Ничто не указывает на то, что убийц было несколько, но доказательств обратному тоже нет. Никаких пригодных следов протекторов. Что касается записей с камер наблюдения за пределами мест обнаружения, это надо запрашивать у полиции. Поблизости камер не было.

– Ничто не указывает на то, *где* их убили? Их же должны были где-то погрузить в машину?

– Сведения крайне скудные, – произнес Робин неторопливо. – Немного пыльцы, чуть-чуть земли. Если хочешь, могу предоставить тебе полный список, но мой вывод есть в протоколе, который ты явно читала: ничто не указывает на конкретное место убийства, никаких признаков, что трупы перевозили в багажнике. Или в лодке, но это уже звучит совсем неправдоподобно. Три разные лодки с различных пристаней? Вряд ли.

– О личностях убитых тоже ничего не известно?

– Никаких совпадений: ни по зубам, ни по ДНК, ни по отпечаткам пальцев.

– Они ведь могут быть иностранцами?

– Это следователям решать, – пожал плечами Робин. – Наверное, они послали запросы, по крайней мере, внутри ЕС.

– Ничто не указывает на то, что эти люди были похищены?

Робин быстро переглянулся с Ангеликой Роклунд.

– Похищены? – осторожно переспросил он.

Блум внимательно наблюдала за обоими специалистами. Между ними явно происходил какой-то незримый диалог. Молли сидела молча и ждала. Наконец, Робин пробормотал:

– Мы обсуждали такой вариант.

– Но это всего лишь домыслы, – поспешила вставить Роклунд, однако без уверенности в голосе.

Откашлявшись, Робин продолжал:

– Это бы объяснило тот факт, что тела не смогли опознать, а также происхождение толстовки «Nautica»: похищенные иностранцы. Но у этой версии абсурдные последствия.

– Типа того, что целая компания иностранцев сидела в плену в Швеции с девяностых годов, – сказала Блум. – Больше ничего об одежде в твоих отчетах не говорится.

– Нет, – задумчиво ответил Робин. – Не знаю, стоит ли тут копать дальше. Вряд ли они сидели в неволе с подросткового возраста.

– А если все-таки копнуть?

– Как будто у меня уйма времени. К тому же тогда потребуется, чтобы местная полиция запросила расширенное криминологическое исследование.

Молли Блум пристально посмотрела на Робина. Ничего не произошло. Наконец, она повернулась к Ангелике Роклунд.

– А почему *вы* обсуждали версию с похищением?

– На самом деле, у меня лишь косвенные намеки. Я тоже не проводила расширенной экспертизы, только обычное стандартное вскрытие. Но у всех троих я обнаружила покраснения и непонятные, еле заметные шрамы. И еще этот анализ ДНК...

– Да, по ДНК совпадений не нашлось, – согласилась Блум. – Но что именно указывает на то, что их похитили?

– Тут, к сожалению, ответ еще более размытый, – ответила Роклунд, поморщившись.

– Но у тебя же колоссальный опыт, Ангелика, – возразил Робин, глядя в телефон. – Ты такое сразу видишь. Через пять минут я убегаю.

– У них нездоровый вид, – коротко ответила Роклунд.

– Нездоровый? – воскликнула Блум.

– Разумеется, они мертвы, а значит, по определению, не здоровы, но я осматривала их вскоре после их смерти. У них такой вид, будто они давно не были на свежем воздухе.

– И теперь вы предполагаете, что это как-то связано с необъяснимыми покраснениями и шрамами?

– Возможно.

– Это касается всех троих?

– Нет, кроме пожилого мужчины, – сказала Роклунд. – Он, напротив, в прекрасной форме для своего возраста. Если не считать восьми ножевых ударов в лицо. Но как раз насчет *его* ДНК мы получили неоднозначный ответ.

– Как это неоднозначный?

– В английском есть более удачный термин – *inconclusive*¹.

– Но ведь в отчете просто написано, что совпадений не обнаружено?

– Не обнаружено. Но поскольку я заподозрила, что образец по дороге испортили или подменили, я послала новый. Тот же результат. Тогда я решила выйти за рамки бюджета и отправить образец ДНК настоящим звездам в Великобританию.

– В Великобританию? И каков ответ?

– Пока никакого, они там не сильно торопятся.

Робин поднялся, от чего, казалось, стены затряслись.

– Мы еще вернемся к этому делу, – сказал он и поспешно вышел.

Блум и Роклунд остались сидеть за столом, ощущая некую неловкость. Потом судмед-эксперт встала.

– Никогда раньше не встречала частных детективов, – сказала она.

– Ну, и как ощущения, не очень травматичные? – усмехнулась Блум.

Ангелика Роклунд впервые улыбнулась.

– Нет, – ответила она. – А сейчас я снова пересмотрю все свои записи по делу. Попробуйте уговорить полицейских на местах послать запрос на расширенную экспертизу. Все три трупа по-прежнему лежат у меня в холодильнике.

С этими словами она удалилась.

¹ Недостаточный, неубедительный (англ.).

12

Вторник, 30 мая

Когда Бергер выглянул в мрачный внутренний дворик полицейского управления, он впервые не ощутил ностальгии. Возможно, потому, что ломка прошла, а может быть, потому что чувствовал себя зрелым в роли консультанта по безопасности.

Созрел до того, чтобы перестать ощущать себя полицейским.

После нескольких безумных недель, связанных с делом о «Свободе», жизнь постепенно вошла в спокойное русло. Маленькое существо по имени Мирина словно накрыло его спокойное существование теплым одеялом мирного счастья. И Молли теперь была рядом, они работали вместе, совместными усилиями разоблачили нескольких налоговых мошенников, прекрасно понимали друг друга.

Но «нас» по-прежнему не существует.

Сэм пообещал Молли, что их фирма будет держать низкий профиль, они не станут заниматься рискованными делами – все-таки их ребенку еще года не исполнилось. Все месяцы, что прошли после страшной трагедии вокруг «Свободы», он держал свое обещание. С Кипром связывалась Блум, это она настаивала на том, чтобы заняться делом Скарпарис. Возможно, она что-то задумала. А нежелание помогать Ди – лишь фасад.

Мысли Бергера прервал полицейский в форме, зашедший в свой кабинет. Он бросил косой взгляд на Бергера, непринужденно закинул фуражку на вешалку, сделал пару решительных шагов в сторону окна. И обнял Бергера.

Тот продолжал стоять неподвижно. А потом, наконец, тоже обнял полицейского.

– Ну как дела, старый сыщик? – спросил Самир, опускаясь на эргономичный, индивидуально подобранный офисный стул.

– Похоже, ты на нем много времени проводишь, – заметил Бергер, выдвигая гораздо менее эргономичную табуретку для посетителей и усаживаясь рядом с Самиром. На мониторе виднелся обгоревший и покореженный остов автомобиля.

– Да, когда я сам не в разъездах, – спокойно ответил Самир. – А так сию, координирую наших дорогих дорожных полицейских.

– Тут у нас особый случай, – продолжил он, махнув рукой в сторону монитора.

Машина на фотографии выглядела полностью обгоревшей, к тому же она, похоже, въехала прямо в скалу. Бергер, кажется, никогда не видел таких разбитых автомобилей. А ведь во время учебы в аспирантуре он немало часов провел в отделении дорожной полиции.

Бергер подвинулся ближе к экрану. Ему удалось разглядеть регистрационный номер. ZUG 326.

– Особый случай? – переспросил Бергер.

– Сегодня утром. На полной скорости врезался в опору моста на E18 близ Вестероса. Вестфедра. Машина всмятку. Когда мы, наконец, смогли подобраться ближе, то обнаружили на переднем сидении два обгоревших скелета. Два человека, тщательно пристегнутых. Но после наших прошлых перипетий – когда это было, год назад? – подобное кажется детским лепетом.

– Что?

– Тебя здесь кто-нибудь видел?

Поняв, к чему такой вопрос, Бергер покачал головой.

– И чего ты хочешь? – спросил Самир без обиняков.

– Это тоже своего рода... особый случай, – сказал Бергер. – Три трупа на трех островах, с разницей ровно в месяц. Ими занималось НОУ, должно быть, вам поступал от них запрос насчет камер наблюдения.

– Три трупа на трех островах? – вскинув брови, произнес Самир. – Что-то не припоминаю...

– Они идут как три разных дела, НОУ не стало их объединять. У меня тут есть номера, – Бергер протянул Самиру бумажку.

Самир повозил бумажку туда-сюда по столу, не глядя на нее. Он смотрел на Бергера.

– Но почему *ты* здесь? – спросил он наконец.

Бергер вздохнул.

– Потому что человек, увидевший связь между этими убийствами, потерял обе ноги во время «наших прошлых перипетий». Ты сам поднимался с ней на лифте из адского подвала.

– Ди? – воскликнул Самир. – Она снова вышла на работу?

– Нам всем не помешало бы чаще общаться, – только и ответил Бергер.

Самир медленно кивнул, взял листок и ввел номера дела в компьютер. Открылись три разных окна.

– Да, – сказал он. – Что-то такое помню. Но я никакой связи не заметил. Проверка камер, измеряющих скорость, на дорогах от Бьёркё, Фэрингсё и Мёркё. Нам дали временной промежуток в несколько часов, с позднего вечера до раннего утра. Стандартный запрос, ничего особенного. Я поручил паре сотрудников выписать все регистрационные номера.

– Они у тебя здесь?

Самир кивнул и указал на монитор.

– А ты можешь их сопоставить? – попросил Бергер. – Если этого еще не сделали.

– Я отправил результаты трем разным следователям из НОУ. Возможно, они их и свели.

– Вряд ли, – возразил Бергер. – Давай.

Пока шел поиск, Самир наблюдал за своим бывшим начальником.

– И что там у вас происходит? Ди померещился серийный убийца и она наняла АО «Эллинг Секьюрити»? Это вообще законно? И откуда у нее на это деньги?

– Пусть это будет *pro bono*², – сказал Бергер. – Или *неоплатный долг*, как тебе больше нравится.

По лицу Самира скользнула улыбка. На компьютере раздался сигнал.

– Нет, – сказал Самир. – Совпадений нет.

– То есть в ночь на пятое марта, апреля и мая по дороге на Бьёркё, Фэрингсё и Мёркё или в обратном направлении одни и те же машины не проезжали?

– Ах, вот как? Пятое число каждого месяца?

– Да, есть риск, что пятого июня будет совершено еще одно убийство. Если у нас не получится найти убийцу, возможно, нам удастся, по крайней мере, определить следующее место обнаружения. Все они на удивление похожи.

– Интересно. Но я, к сожалению, ничем не могу помочь.

– Надеюсь, что можешь, Самир. Как выглядели районы поиска?

Вздыхнув, Самир откинулся на спинку своего эргономичного стула.

– Сейчас много всяких камер. Даже классические камеры для измерения скорости существуют в различных вариантах, к тому же в нашем распоряжении некоторое количество более крупных камер наблюдения за дорожным движением. Они снимают постоянно. А еще нам обычно помогают расположенные в нужных местах частные камеры. В тех районах, которые нам задало НОУ, мы провели анализ камер всех видов.

² Помощь в решении общественно значимых проблем на безвозмездной основе.

– А что, если немного расширить районы поиска? Чтобы в поле зрения попали альтернативные дороги? Может, еще какие-нибудь частные камеры? А временной промежуток можно увеличить на пару часов в обе стороны.

– Это чье-то официальное задание?

Бывшие коллеги посмотрели друг на друга исподлобья. Наконец, Бергер сказал:

– Если в окрестностях Стокгольма орудует серийный убийца, то долг любого полицейского – остановить его. Мы не знаем, кто эти жертвы, не знаем, почему их убили, мы просто разглядели контуры чего-то более масштабного. Но мы должны узнать правду. И если внутри полиции есть силы, пытающиеся скрыть ее от нас, то остальные, где бы они ни находились, должны сделать все возможное, чтобы эту правду отыскать.

– Силы внутри полиции? Ты серьезно?

– Возможно, речь идет о банальном непрофессионализме со стороны команды Конни Ландина, а может быть, тут что-то другое...

– Не впутывай меня в это, Сэм. Я полицейский, а ты – *нет*. Если у тебя какие-то подозрения, обратись в соответствующую инстанцию.

– Я просто хотел напомнить тебе старую истину: если мы всегда будем действовать строго по правилам, то ни одного дела не раскроем.

– Было бы желание? Ты это имеешь в виду, Сэм?

– Именно. Просто немного расширь поиск в пространстве и во времени. Тут явно какое-то упущение. И мы должны его найти. Мы ведь верим Ди. И хотим выяснить правду любой ценой. Возможно, нам удастся оказаться в нужном месте и спасти чью-то жизнь в ночь на пятое июня. Через неделю.

Самир поморщился, закрыл все три окна и повернулся к Бергеру.

– Посмотрю в свободное время, – сказал он. – Это может оказаться не быстро. У меня, как и у тебя, маленькие дети.

– Буду тебе бесконечно благодарен, – произнес Бергер, разглядывая вновь появившийся на экране остов автомобиля.

– А пока можешь вернуться к своему особому случаю, – сказал он, показывая на монитор.

– Этот случай и стал особым потому, что он теперь не наш, – засмеялся Самир.

– Да? – без особого интереса сказал Бергер и встал.

– В сгоревшей машине криминалисты нашли две пули.

– Пули?

– Да, от снайперской винтовки с ядром из свинца и стали, – ответил Самир. – Последнее, что я успел увидеть, это то, что криминалисты определили калибр – 7,62.

– Значит, это не было несчастным случаем? – спросил Бергер.

– Ну, если тебя застрелили из снайперской винтовки – это тоже своего рода несчастный случай...

– Кому передали дело?

– Конни Ландину из НОУ, – усмехнулся Самир.

13

Четверг, 1 июня

Бергер сидел на мостках у эллинга в лучах утреннего июньского солнца и просматривал старые заявления об исчезновении людей. С виду – идиллическое летнее утро. Косые лучи слегка поблескивали на почти зеркальной глади Эдсвикена, несколько корабликов пришвартовались у пирса, кто-то рыбачил с лодки, а золотистый замок утопал в солнечном свете. Но для летнего утра было слишком холодно.

Бергер запахнул поплотнее куртку и принялся листать дальше. Оказалось, что заявления о пропаже людей в девяностые оцифрованы, и теперь Бергер искал двух пропавших детей, девочку и мальчика, а также мужчину лет пятидесяти. Оставалось еще много материала, и пока никаких результатов.

То же касалось расширенного поиска, который провел Самир. Конечно, камеры не покрывали все, но если убийца пользовался одной и той же машиной – что само по себе не обязательно – то она не засветилась на двух камерах в нужный промежуток времени в разных частях Стокгольма.

Поэтому настроение у Бергера по идее должно было быть паршивое. Но на самом деле, он не унывал. Да, ни Робин, ни Ангелика Роклунд не перезвонили, но Бергеру с Блум удалось заинтересовать по крайней мере два из отделов полиции, куда НОУ передало дела о пляжных трупах. И теперь местные органы собирались запросить расширенную экспертизу.

К тому же накануне вечером Молли была в приподнятом настроении. Он все лучше и лучше считывал ее эмоции – так было не всегда. Они выехали из эллинга одновременно, каждый на своей в меру экологичной служебной машине, и когда Молли отправлялась в район Эстермальм забрать Мирину у бабушки, он заметил улыбку на губах Блум. Так она улыбалась, когда ее никто не видел.

Эта улыбка означала надежду.

Молли переехала обратно в свою настоящую эстермальмскую квартиру, оставив тайное прибежище на Эульсгатан. После событий прошлого лета ей неприятно было там находиться, и она подумывала продать квартиру. Сэм, в свою очередь, перебрался в свою берлогу на Плуггатан. Оказалось, там можно жить одному и не уходить в запои. К тому же он теперь не один. Не совсем один.

Сэм и Молли сблизилась, но в тот момент, когда сближение почти переросло в слияние, разверзся ад. Молли права, обратного пути нет. Никакого «мы» по-прежнему существовать не могло. И все-таки они продолжали вместе работать, растить общего ребенка. Жизнь существовала. Как и фрустрация. И – несмотря ни на что – надежда.

Он приехал в эллинг рано утром, Молли – только что. Поздоровавшись на ходу, она скрылась в своем кабинете. Пора проверить, правильно ли он разглядел. И оправдались ли предполагаемые надежды.

Бергер встал из-за компьютера и проскользнул в домик. Дверь в комнату Блум была открыта, Молли ходила туда-сюда и говорила по телефону, но разобрать, о чем, Сэм не мог. Он наблюдал за ней, замороженный ее энергией. Она положила трубку, шагнула к доске, вернулась с тремя листами бумаги. Бергер слышал, как попадали магниты. Молли разложила бумаги на столе и криво улыбнулась.

Так она улыбалась, когда думала, что ее не видят.

Бергер решил предупредить о своем приходе и затопал нарочито громко. Она подняла взгляд, улыбка ее тут же изменилась.

– Нам предстоит небольшая поездка, – сообщила она.

* * *

Когда они проехали головной магазин «ИКЕА» в Шерхольмене, Блум оторвалась, наконец, от своих бумаг, и посмотрела на сидящего за рулем Бергера.

– Это Ди, – сказала она.

– С кем ты говорила по телефону? – уточнил Бергер.

Блум кивнула.

– Я позвонила ей вчера вечером, она еще сидела на работе, расследовала это убийство топором.

– Да-да, там мужчину убили ударом топора в голову. Да, я видел фотографию в «Афтон-бладет», так себе качество. Но это же никак не связано с нашим делом?

– Нет, конечно. Но я попросила ее посмотреть, не осталось ли у них каких-нибудь заметок, связанных с расследованием пляжных убийств. Оказалось, кое-какие материалы остались, хотя дело передали в местные полицейские управления.

Бергер кивнул. Он знал, что документы, которые, как представлялось, не имели особой ценности для расследования, часто не заносили в протокол.

– Я заметила пробел в текущей работе, – продолжала Блум. – Неужели никто не опрашивал людей по другую сторону.

– Ну, это само по себе затруднительно, – сказал Бергер, обгоняя тяжелый грузовик по левой полосе, зауженной из-за вечных дорожных работ. Раздался устрашающий свист, когда они пронеслись в паре сантиметров от другой машины. Как из потустороннего мира.

– Я имела в виду, по ту сторону воды, – пояснила Блум, придя в себя. – Ди обещала поискать информацию об этом. Сидела, наверное, полночи, и вот утром позвонила. Один из следователей НОУ, последний, Улле Шёблум, не поленился съездить на противоположный берег. Свидетельница говорит, что она слышала тихий звук лодочного мотора.

– Тихий?

– Такой обычно бывает, когда на резиновую лодку крепят электрический мотор.

* * *

Бергер смотрел на воду. Отсюда отчетливо был виден песчаный пляж, расположенный в нескольких сотнях метров, на другой стороне. Значит, вон там Ди прыгала на своих костылях, а Робин пытался ее удержать.

Мёркё.

Все-таки лето уже ощущалось в воздухе.

Бергер засунул руки в карманы, взглянул на каменистый пляж у своих ног, повернул лицо к яркому, но еще не жаркому солнцу. Послышались голоса.

Бергер обернулся. По тропинке, петляющей вдоль природного заповедника Иттеренбю шагала Блум. С ней шла женщина атлетического телосложения, на вид лет пятидесяти. Показав в сторону небольшой бухты, перед которой стоял Бергер, женщина сказала:

– Должно быть, здесь, да.

– Это Улла Миллрюд, – произнесла Блум, поворачиваясь к Бергеру. – Сэм Бергер, мой коллега.

Бергер поздоровался, женщина кивнула в ответ.

– Вы можете рассказать, что именно вы слышали? – попросила Блум.

– Я живу вон там, в паре сотен метров отсюда. Это было около двух часов в ночь на пятое мая, слабый, но отчетливый звук мотора откуда-то отсюда. Как будто завелся мотор, а потом звук затих.

– Откуда вы знаете, что это моторная лодка?

– У нас у самих такая.

– У вас?

– Да, у нас есть мини-яхта «Нодендаль», пришвартована там, подальше, у пролива Скандсундет, а еще у нас всегда с собой резиновая лодка марки «Брубберг». К ней очень удобно приделывать небольшой электрический мотор, в нашем случае это «Torqeedo».

Блум была не в восторге от количества названий разных фирм, да еще и Бергер молча откнулся в телефон. Чтобы побороть раздражение, она спросила:

– Вы говорите, такой мотор работает очень тихо?

– Очень, – кивнула Улла.

– И все-таки вы его слышали?

– Здесь, в глуши, обычно полнейшая тишина. Особенно в два часа ночи. Поэтому реагируешь на малейший звук. Я вставала в туалет, иначе, наверное, и не услышала бы.

– Откуда вы знаете, что было два ночи?

– Я посмотрела на часы, – ответила Миллрюд. – Когда встала. Точно не помню, возможно, четверть третьего.

– А звуков автомобиля вы не слышали?

– Автомобиля? Нет, врать не буду...

– Незадолго до лодки? Минут за двадцать?

– Ну, тогда я спала. Хотя в любом случае не услышала бы. До общественной парковки от нас далеко. Это в другую сторону. Там ведь сейчас ваша машина стоит.

Блум кивнула.

– И больше вы лодочный мотор не слышали? Может, через час или вроде того?

– Вы хотите спросить, вернулась ли лодка? Нет, я сразу же снова уснула, так что не знаю.

Блум опять кивнула. Больше спрашивать было не о чем. Она повернулась к Бергеру, который по-прежнему возился с телефоном. Не поднимая глаз с дисплея, Бергер сделал шаг в их сторону и сказал:

– Улла, я так понимаю, вы уже рассказывали об этом полицейскому? Когда?

– Кажется, через пару дней после той ночи. Вроде седьмого?.. Не помню, как его звали.

– Он был в форме?

– Нет, – ответила Улла Миллрюд.

Бергер подошел к ним ближе, протягивая Улле телефон.

– Наверное, это был инспектор Улле Шёблум. Он вот так выглядел?

Фотография изображала плечистого мужчину с бритой головой и жестким взглядом.

– Нет, совсем не так. Тот был более...

– Может, этот? – прервал ее Бергер, проводя пальцем по дисплею.

Появилась новая фотография – широкое лицо с кустистыми усами.

– Да, – энергично закивала Улла Миллрюд. – Это был он.

Бергер показал телефон Блум.

С экрана на нее смотрел Конни Ландин из НОУ.

* * *

Они бродили по расположенной на отшибе парковке. Кроме их машины, там стояло еще две. Наверное, люди приехали осматривать заповедник.

– Два часа ночи, – сказал Бергер. – Он стоит здесь со своим третьим трупом, скорее всего, завернутым в какой-нибудь мешок. У убийцы уже есть опыт, он тут все разведает и прекрасно знает, что до воды триста метров. И все-таки он решил тащить отсюда не только труп, но и резиновую лодку с мотором. Вряд ли он нес уже надутую лодку через лес, значит, должен был захватить еще и насос, вряд ли ручной. То есть приличный груз, если все сложить. Неужели нет более простого способа перенести труп на определенный пляж?

– Более простой – не значит более надежный, – возразила Блум. – Как никак, это чистая случайность, что Улле Миллрюд, обитательнице единственного дома поблизости, захотелось в туалет именно в четверть третьего ночи.

Бергер кивнул.

– Если у него все так тщательно спланировано, как кажется на первый взгляд, он наверняка оценил все риски. И все-таки мне кажется, что отправляться куда-то на лодке с трупом на борту более рискованно, чем везти тело на машине.

– А может быть, и нет, – возразила Блум, останавливаясь возле служебного автомобиля. – Мотор работает почти бесшумно. В ночной темноте ничего не видно. Убийца создает дистанцию до места обнаружения. И обводит полицию вокруг пальца. Они ищут камеры не там. А он выигрывает время.

– Это у нас по-прежнему ролевая игра? – спросил Бергер, садясь в машину. Мы *делаем вид*, что верим в то, что нам удастся раскопать?

Блум села рядом, выпрямила спину и бросила на Бергера испепеляющий взгляд. Но ничего не сказала.

Сэм продолжал:

– Надо подробнее изучить все три карты и перенаправить поиск Самира по камерам. Вот он обрадуется.

– Зато у нас появится второй шанс, – сказала Блум, натягивая ремень безопасности. – Надо было здесь провести криминологический осмотр. Теперь уже наверняка поздно. Как ты догадался насчет Конни Ландина?

Бергер выехал с узкой парковки на еще более узкую лесную дорогу.

– Самир что-то такое говорил. О совсем другом деле, ДТП, оказавшемся итогом стрельбы. Конни Ландин приехал и забрал дело себе. Просто ему так захотелось.

– Значит, через два дня после обнаружения трупа здесь, на Мёркё, то есть третьего трупа, Конни Ландин едет сюда сам, опрашивает свидетеля, понимает, как и мы, что речь идет о резиновой лодке, а потом велит Улле Шёблumu отложить свидетельские показания в неважные бумаги. Тут пахнет замалчиванием.

Бергер выехал на крупную дорогу и вдавил газ.

– Никто из предыдущих следователей не утруждался перебраться через пролив и опросить свидетелей, – сказал он. – Никто не подумал о том, что могла использоваться резиновая лодка – вообще о том, что кто-то мог что-то видеть через пролив. Первым, кто до этого додумался, был Конни Ландин – и он единственный, имевший доступ ко всем делам, остальные рассматривали убийства по отдельности. Почему он решает поговорить с Уллой? Зачем ему это? Чтобы опередить Ди? Потому что она как раз напала на след? Это лишь вопрос престижа? Он не мог допустить, чтобы она оказалась права, но не мог и сделать вид, что никакого разговора с Уллой не было – это уже слишком грубое должностное нарушение – поэтому он запрятал протокол беседы подальше, прежде чем передать расследования. Звучит правдоподобно?

Блум покачала головой, глядя на бегущую параллельно их дороге трассу.

– С психологической точки зрения – да, – сказала она. – Могу себе представить, что наделенный властью мужчина аморальных взглядов, если ему бросает вызов женщина, да еще и инвалид, запросто похоронит расследование, лишь бы женщина не оказалась права. А на

практике – ну, не знаю. Не слишком ли далеко мы зашли? Неужели он пойдет на такой серьезный риск, только чтобы задавить Ди?

– По сути, она всегда представляла для него угрозу, – сказал Бергер, пожав плечами. – Поэтому непрофессионализм и жажда власти вполне могут оказаться чем-то более ужасным.

– Понимаю, о чем ты, – ответила Блум, медленно и задумчиво кивая, пока Бергер вырливал на Е4.

– Я вот еще о чем подумала, – продолжала она. – Убийца вполне мог перебраться на остров на лодке в марте и апреле, пока ночи еще темные и достаточно холодные, и риск, что где-нибудь на берегу появятся случайные свидетели, минимален. В начале мая – еще куда ни шло. Но...

– Но сейчас июнь, – подхватил Бергер. – Месяц летних праздников. Светлый месяц.

– Он становится все более ловким и осторожным, но и риски растут, – сказала Блум.

Они помолчали, погружившись каждый в свои мысли. Потом Бергер выжал газ до упора и сказал:

– Чисто гипотетически, да?

14

Пятница, 2 июня

Филипу недавно исполнилось семнадцать. Почти каждую ночь, часа в два, он тайком пробирался в гараж. Это лучше, чем просто спать.

Сейчас, когда мама уехала, было проще. У нее такой чуткий сон. А папа всегда спал как убитый.

Филип знал, что в гараже круглый год холодно, поэтому натягивал плотное худи и надевал шлепанцы, чтобы не топать босиком по сырому бетонному полу. В слабом свете он присаживался рядом с папиным «Харлеем» и бережно поглаживал серебристый бак. Еще полгода.

Самые долгие полгода в жизни Филипа.

Полгода до того, как можно будет начать учиться водить легкий мотоцикл, чтобы в двадцать лет сдать на настоящие права. И водить тяжелый мотоцикл. Только об этом он и мечтает.

На самом деле, впервые он сел на мотоцикл, когда ему было восемь. Маленькие, легкие железные кони росли вместе с ним. Настоящий большой мотоцикл он водил с четырнадцати лет, но только в окрестностях, а тут совсем другие правила.

Филип мечтал оказаться на дорогах, ощутить ветер свободы на лице. На континент, в Европу. Он хотел делать все то, что делал в свое время его отец, приятели отца, вся их тусовка. Филип хотел пожить в палатке на испанском побережье, проехать под Триумфальной аркой, промчаться по серпантину в Альпах.

Папа стал таким скучным. Теперь у него один бизнес на уме. Конечно, случалось, что он надевал свой кожаный жилет и натягивал шлем, но прежней радости уже не чувствовалось. Он словно нес тяжелую ношу.

Филип включил фонарик на телефоне, успел заметить, что уже половина третьего ночи, как обычно. Он посветил на блестящий корпус мотоцикла, провел ладонью по сидению.

И не скажешь, что ему уже почти двадцать лет. «Harley Davidson FLSTF Fat Boy» – истинная классика. Филип ухаживал за ним, каждый вечер намывал его. А приходя в гараж ночью, просто наслаждался, любовался мотоциклом, поглаживал его. Это определенно лучше, чем сон.

Иногда Филип позволял себе надеяться. Надеяться на то, что папа отдаст ему мотоцикл. А вдруг. Все-таки он единственный ребенок. Возможно, папа планирует подарить ему мотоцикл на двадцатилетие. Хотя до этого еще так далеко, даже не представить себе. Каково это, когда тебе двадцать лет.

Те люди двадцати лет, кого он знал, выглядели намного старше его самого. Он себя таким не видел. *Таким* дерзким и зрелым.

Филип ощупал гладкие цилиндры. Он ощущал особую *связь* с этим мотоциклом. «FLSTF Fat Boy» совсем не был жирным, скорее накачанным до предела. Ни одного лишнего изгиба, или винтика, или колесика. Газ, тормоз – все на своих идеальных местах.

Идеальная гармония.

Взгляд Филипа упивался совершенством. Он и не заметил, как включился тихий электрический мотор, приводящий в движение гаражную дверь. Внезапно в помещение проник лунный свет. С другой стороны от машины что-то пошевелилось.

Наконец, Филип понял, что это. В гараж, пятясь, вошел его отец, одетый в пижаму, в которой обычно спал. Волосы торчали во все стороны, как будто он только что проснулся. Филип видел только его спину. Он прижался к мотоциклу. Позади отца показался еще один человек – скорее силуэт, наполовину скрытый машиной. На нем была шапка, больше ничего

Филип не разглядел. Если они и говорили, то очень тихо, шепотом. Папа медленно продвигался вглубь гаража.

Что-то в атмосфере заставило Филипа задержать дыхание. Он сидел, не шевелясь. Папа теперь был совсем близко. Остановился. Время остановилось.

Папа обернулся и увидел притаившегося за «Харлеем» Филипа. Он как будто уже знал, что сын там. Несмотря на холод, папа весь вспотел. Он слабо улыбнулся и поднес палец к губам.

Надо сидеть тихо.

Потом отец повернулся обратно к мужчине, который по-прежнему казался лишь смутным силуэтом. Папа сделал два решительных шага к поднявшейся с корточек фигуре.

Послышался удар. Приглушенный, но четко различимый. Папа упал плашмя. Голова стукнулась о бетонный пол всего в десяти сантиметрах от мотоцикла.

Из папиного лба торчал топор.

Филип зажал рот руками. Он во все глаза таращился на человека, который пару секунд осматривал гараж, а потом закинул сумку на плечо и вышел.

В свете фонаря прямо у въезда в гараж стояла девушка с собакой. Она громко вскрикнула и полезла за телефоном. Мужчина в шапке, с сумкой на плече, завернул за угол и исчез.

Только тогда Филип убрал руки с лица и заорал.

15

Пятница, 2 июня

Было почти три часа ночи, когда зазвонил телефон. Поскольку Ди все равно не спала, ей удалось сразу же приглушить сигнал. Увидев на дисплее номер, она вскочила на ноги и сделала пару шагов в сторону коридора, даже не обернувшись на громко храпящего мужа Йонни. Ди опустила изумленный взгляд и поняла, что стоит без костылей. Она что, правда, *выскочила* из спальни? Еще пара секунд замешательства, и Ди схватилась за косяк двери в ванную, вползла внутрь и опустилась на унитаз. Пытаясь говорить твердым голосом, она произнесла:

– Комиссар Русенквист.

– Передо мной три номера, – слышался резкий женский голос. – Вы ответили первая.

– Да? – сгорая от нетерпения, ответила Ди.

– У нас тут убийство топором в Эскильстуне. Два свидетеля. Это ведь НОУ ими займется?

Ди задумалась. Решила пока придержать язык.

– Да, это наши свидетели. Расскажите подробности.

– Мне все равно придется отвезти их в наш участок, – сказал резкий голос.

– Подождите, – выпалила Ди. – Сначала подробности. Топор где?

– Во лбу.

– Новый топор?

– Как это?

– Кто жертва?

– Рютгер Брэннлид, – ответил голос. – Свидетели – его сын и девушка с собакой.

«Ох уж эти девушки с собаками», – пронеслось в голове у Ди, но мысли ее были уже в другом месте.

Брэннлид, не самая распространенная фамилия.

– Вы там не слишком нашумели? – спросила Ди.

– Ваши вопросы мне непонятны, – рявкнула женщина.

– Уточняю, – проговорила Ди, стараясь сохранять спокойствие. – Вы созвали остальных участников местного отделения «Hells Angels»?

* * *

В коридорах НОУ в Стокгольме царил тишина. Пара дежурных. Они проводили прибывших куда надо и, следуя инструкциям комиссара Русенквист, не стали вызывать ни Конни Ландина, ни Эрьяна. «Пусть спят спокойно».

Женщина-полицейский из Эскильстуны, ожидавшая у допросных в компании явно подчиненного ей мужчины, выглядела совсем не так, какой ее представляла себе Ди. Она оказалась такой маленькой. А она, в свою очередь, совершенно не ожидала увидеть комиссара в инвалидной коляске. Все резкости застряли у нее в горле.

– Этой ночью я уже свое отходила, – пояснила Ди.

Стоящая перед ней женщина была явно из тех, кому палец в рот не клади, но сейчас она смотрела на Ди в полном безмолвии.

– Где сидит сын? – спросила Ди.

Женщина в форме кивнула в сторону одной из допросных.

– Он успел кому-нибудь позвонить? Что вы сообщили в полицию Эскильстуны?

К женщине наконец вернулся дар речи:

– Что, согласно распоряжению, свидетели доставлены прямо в Национальный оперативный отдел в Стокгольм. Я заглянула в мобильник Филипа, да, он пытался позвонить матери, которая сейчас гостит у своих родителей в Финляндии, но она не ответила.

– Других звонков не было?

Женщина покачала головой.

– Хорошо, – сказала Ди, кивнув. – Спасибо... как вас зовут?

– Луиза, – ответила женщина, снова расхрабрившись. – Луиза Йонссон. Мы еще связались с местной полицией Остроботнии, они едут к матери Филипа.

– Тогда, Луиза, у нас еще есть немного времени до того, как прибудет адвокат и навсегда завяжет Филипу язык.

– Правда... – начала Йонссон.

– Да? – Ди сурово взглянула на нее.

– Филип несовершеннолетний.

– Я не собираюсь его допрашивать, – сказала Ди. – Мы просто немного побеседуем. Вы возьмете показания у девушки с собакой?

– Я? – воскликнула Луиза Йонссон. – Но у меня ведь нет... полномочий?..

– Теперь есть, – отрезала Ди.

* * *

Когда Ди вошла в допросную к парнишке, она уже знала, что девушка с собакой со временем откажется от своих показаний. Тем важнее было опросить свидетелей до того, как на них окажут давление.

Так думала Ди, нажимая кнопку записи на диктофоне. Сын только что убитого главного экономиста местного отделения «Hells Angels», являвшегося важным винтиком официальной машины организации. Мальчик, похоже, стал свидетелем убийства. Такого же убийства топором, как и то, расследованием которого она уже заинтересовалась.

Как и убийство человека, также имеющего непосредственное отношение к «Hells Angels».

Но тут всем быстро заткнут рты.

Филип Брэннлид выглядел значительно младше своих семнадцати. Он казался совершенно потерянным, и было ясно, что его бы лучше передать в руки совсем других специалистов. У Ди у самой был ребенок, она могла себе представить, что сейчас ощущает Филип. Она искренне ему сочувствовала. И все-таки она выбрала этот путь – другого, собственно, не было – собираясь сразу же после беседы лично вызвать для него представителей социальных служб.

На последствия лично для себя и для своей карьеры ей было наплевать.

– Филип, – произнесла она, осторожно присаживаясь напротив дрожащего подростка. – То, что тебе пришлось увидеть, наверное, самое страшное, что только можно себе представить. Я тебе очень сочувствую.

Филип всхлипнул и посмотрел на нее заплаканными глазами.

– Где Юхан? – спросил он.

Не имея ни малейших представлений о том, кто такой Юхан, Ди ответила:

– Он уже едет сюда, Филип. А нам надо как можно скорее поймать того, кто это сделал. Ты можешь рассказать, что ты видел?

Парнишка снова поднял на нее красные глаза. Глядя на него почти материнским взглядом, Ди сказала:

– С твоей мамой мы тоже пытаемся связаться, но это не так легко. Похоже, у нее отключен телефон.

- У бабушки с дедушкой нет телефона.
- Значит, ты был в гараже, когда все случилось, Филип? – спросила Ди.
- Он кивнул. По щекам катились слезы.
- Он теперь мой? – спросил он.
- Ты о ком?
- «Fat Boy», он мой?

Ди вспомнила фотографии с телефона, которые ей прислала Луиза Йонссон из гаража в Эскильстуне. Мысленно перебирая каждую деталь, но стараясь не останавливаться на мужчине с топором в голове, Ди попыталась воссоздать картину событий.

– Мотоцикл? – спросила она наугад. – Да, думаю, он достанется тебе. Ты обычно спускаешься в гараж по ночам и возишься с ним? Тайком?

- Нет, возиться с ним мне не разрешают, – ответил Филип.
- А любоваться можно. И мечтать. Но обычно папы там в это время не бывает, так ведь?
- Он спит как бревно.
- А вот сегодня ночью не спал. Ты можешь рассказать, что произошло?
- Я не думал, что он знает...
- Знает что?

– Что я спускаюсь в гараж по ночам. Он шел прямо на меня. А когда увидел меня за мотоциклом... не знаю... он шикнул на меня.

- Шикнул?
- И у меня получилось. Я не пикнул. Благодаря ему. Папа спас меня. А потом...
- Да, Филип. Потом?..

Филип смотрел прямо перед собой. Слезы текли рекой. Ди не торопила его. Наконец, парень слабым голосом произнес:

- Теперь понимаю.
- Что понимаешь?
- Папа сделал пару шагов ему навстречу. Чтобы не завалиться на «Харлей».
- Значит, твой папа знал, что сейчас произойдет?
- Он спас мне жизнь, – сказал Филип, и глаза его расширились.

Ди поняла, что надо пользоваться случаем, пока взгляд Филипа устремлен в невыразимые дали.

- Ты видел убийцу, Филип?
- Он покачал головой.
- Нет, только тень... На нем была шапка.
- Что за шапка?
- Обычная серая, натягивается на уши.
- Раз ты заметил цвет шапки, может, разглядел и его лицо?
- Черт, я ничего не видел! Хватит уже.

Ди прикусила язык. С одной стороны, время идет, а с другой – нельзя сейчас упустить мальчишку.

- Прости, Филип, – сказала она, ласково погладив его кисть.

Он не стал отдергивать руку. Слезы продолжали течь по щекам. Ему явно хотелось спрятаться от боли.

- Мы можем вернуться к началу? Ты услышал, как открывается дверь в гараж...
- Папа вошел, пятясь.
- Значит, они появились с улицы? Оттуда, где въезд в гараж?
- Да.
- У тебя есть идеи, что мог твой отец делать на улице в половине третьего ночи?
- Нет. Он был в пижаме...

– А как открывается дверь в гараж?

– С мобильного телефона, – ответил Филип. – Дистанционно.

Ди кивнула. Кроме телефона самого Филипа, других устройств полиция не обнаружила. Ди тщательно подбирала слова. Где-то вдали раздался удар, как будто захлопнулась дверь.

Ди представила себе песочные часы.

– Получается, когда гаражная дверь открылась, они вошли внутрь и обогнули машину. Твой отец все время пятился спиной. А потом он обернулся к тебе и дал знак сидеть тихо. Затем снова повернулся к нападавшему и сделал несколько шагов ему навстречу. Пока все верно?

– Да, – дрожащим голосом подтвердил Филип.

– Ты ведь успел кое-как разглядеть нападавшего? – спросила Ди, слыша, как по коридору приближаются шаги. И голоса. Мужские, возмущенные.

Филип, похоже, ничего не видел и не слышал. Сколько минут ей еще отмерено?

Когда уже видишь, как рушится твоя карьера, чувствуешь себя на удивление свободным.

– Он был выше отца, – сказал Филип. – Я видел его шапку поверх папиной головы. У него была сумка. Когда папа шикнул на меня, тот человек поставил сумку на пол. И наклонился к ней.

«И достал топор, – подумала Ди. – Новехонький, только из магазина».

Шаги и голоса становились все громче. Она успеет задать всего один вопрос, прежде чем все кончится.

Но ничего спрашивать не пришлось. Филип сам сказал:

– И еще кое-что...

Ди взглянула на дверь допросной. Она вот-вот откроется.

– Попробуй вспомнить, Филип, – сказала она. – Это чрезвычайно важно.

– Да, – кивнул он, словно ловя воспоминание на лету. – Точно.

Дверь с грохотом распахнулась. В проеме показался плотный мужчина, одетый в костюм в узкую полоску.

– Меня зовут Юхан Юлленкрейц, я адвокат Филипа Брэннлида, – рявкнул он. – Немедленно прекратите незаконный допрос.

Почти каноном раздался вопль Конни Ландина:

– Что ты тут, черт возьми, устроила, Дезире?

На мгновение Ди задумалась, не сослаться ли ей на Эрьяна Брууна, все-таки это он дал ей зеленый свет. Но инстинкт подсказал ей, что лучше этого не делать.

Пока оба мужчины приближались, Ди схватила Филипа за руки, посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

– Ты вспомнил, Филип. У тебя отличная память.

– Я помню его руку потом, когда все кончилось, – сказал Филип в то мгновение, когда тяжелая ладонь адвоката Юлленкрейца опустилась ему на плечо.

Филипа вывели из-за стола. По пути из допросной он, не спуская глаз с Ди, произнес:

– Рука убийцы дрожала.

II 16

Он вдруг слышит скрип песка. Очень отчетливо.

Затаив дыхание, прислушивается. Но больше ничего не происходит. Он не дышит целую минуту, но никаких новых звуков не доносится. Он чувствует, как пульс чуть стихает, оставаясь при этом все равно слишком частым.

Если это приходил кто-то из другого времени, то теперь это существо затихло.

Сейчас он почти уверен в том, что наступили те немногочисленные часы, когда солнечный диск опускается в неизвестность за горизонтом.

То, что вначале было чистым страхом, теперь снова смешивается с нарастающим гневом. Такой злости он еще никогда не испытывал, даже по отношению к братьям.

Пока идут приготовления, он старается держать себя в руках. Все происходит на удивление беззвучно.

Все спланировано тщательнейшим образом. Он так себя настроил. Всегда всё можно сделать лучше. С этим он рос, к этому готовился – к мгновению, которого сейчас ждет.

Ждет с диким страхом и гневом.

Под ногами песок. Еще не остывший. По ступням и дальше, по всему его щуплому телу, разливается забытое тепло.

Тепло проникает туда, где его больше всего не хватает.

Снова скрип песка под ножками стула. На этот раз тоже без продолжения. Наоборот, пляж погружается в еще более плотную тишину. Может быть, именно сейчас самое темное время суток. Все-таки пятое июля, ночь такая короткая.

Вот опять слышится тихое-тихое жужжание. Звук мотора. Прожужжал и затих. Звук идет как будто оттуда. С моря.

На мгновение ему кажется, что рядом с ним существо из прежнего мира. Оно словно смотрит ему в душу, читает его мысли, нынешние и будущие. На какой-то миг он заглядывает прямо в ад.

Потом тело постепенно начинает само регулировать его систему. Он снова слышит прежний голос внутри себя, тот самый, что определил ход его короткой жизни.

Он опять уверен, что все это – для его же блага.

Что бы ни случилось, как бы ни было больно.

Оно того стоит.

Он станет другим.

17

Пятница, 2 июня

Молодой человек идет по улице, как обычный мужчина. Мир теперь выглядит иначе. Он и сам стал другим.

Он наделен властью над жизнью и смертью. Он вырос. Только сейчас он понимает, насколько он высокий. До этого он всегда ходил, как будто пригибаясь. А лишь сейчас выявились его истинные параметры.

Особенно он сжался за годы в секте. Эта вечная рубка дров...

Начало лета, чудесный солнечный день. На площади Фридхемсплан многолюдно. Даже чересчур.

Молодой человек не желает им зла. Его задача не в этом. Наоборот. Но он видит, насколько они уязвимы. Как легко было бы их убить. Насколько хрупка наша жизнь.

Он просто стоит в толпе с сумкой наперевес. Они идут со всех сторон. Люди. Живущие ныне пережили все. Их родители преодолели невероятные трудности, смогли дожить до взрослого возраста, произвести потомство, вырастить детей. Каждый из нас – оттуда. Мы победители.

Но вечной жизни никто из нас не получил. Ни один человек.

И уж точно не он.

Молодой человек стоит на восточном конце Дроттнингхольмсвэген и смотрит, как из гаража здания полиции выезжает патрульный автомобиль. Потом поднимается к парку Крунуберг, карабкается по разветвленным тропинкам, находит нужное место – но скамейка занята. Там сидит женщина. Молодая, значит, долго сидеть не будет. Это не какая-нибудь пенсионерка.

У каждого возраста свое восприятие времени...

Он поспешно сворачивает. В парке много других дорожек. Он научился импровизировать.

Бредя по парку в сторону Паркгатан, он слышит голос внутри себя. От этого голоса ему никак не избавиться. Наверное, он не так и хотел, по крайней мере, пока. Он снова перечитал все листочки на стене, весь текст из разодранного блокнота он знает наизусть.

Необходимо поглотить слова, переработать их, понять, чтобы потом истребить.

«Человеческие жертвы. Что-то должно умереть, чтобы что-то другое продолжило жить. В наши времена тоже приходится все время делать выбор между важными жизнями и неважными. Приходится приносить в жертву одних, чтобы спасти других. Только так можно достичь увеличения срока жизни. Нас слишком много на Земле. Земная поверхность прогибается под тяжестью людей, которых становится все больше, в то время как другие виды исчезают. Сейчас у нас появились возможности продлить жизнь, оградив себя при этом от дряхлости. Тут вопрос не в количестве – кому захочется жить до ста двадцати, если последние сорок лет будут посвящены борьбе с болью? – а в качестве. Мы обладаем способностью обновляться. Постепенно обновляться. Всё, что есть у нас внутри, можно заменить».

Тропинка снова поворачивает и идет круто вверх. Теперь скамейка свободна.

Молодой человек садится. Мысленно разворачивает перед собой карту. Осталась всего пара дней. Структура, ниточки, ложные следы. Фэрингсё. Бьёркё. Мёркё. Следующий логический шаг.

Он читает газеты. В основном местную прессу. Судя по всему, пока ни один журналист не связал три преступления между собой. Что уж говорить о полиции. В мире сейчас столько всего происходит, убийства оказались в тени медийного пространства. Как он и предполагал. Просто разрозненные новости местного масштаба.

Какая разница, на самом деле.

Он торопливо осматривается и натягивает пару почти незаметных одноразовых перчаток, выуженных из кармана. Потом достает флешку и вставляет ее в маленькую просвечивающую трубку, закручивает синюю крышку. Быстро прячет в карман.

Молодой человек снимает перчатки, помещает их в другой карман, а сам сквозь зеленеющие ветки всматривается в большой дом у подножия холма.

Фасад полицейского управления смотрится величественным и грубоватым, настоящее бюрократическое здание. Медно-коричневого, с металлическим отливом цвета. В голове проносится мысль: «Интересно, кто-нибудь из них уловил связь? Кто-нибудь вышел на мой след?»

Но это тоже не так важно.

Не ради этого он здесь.

Он тут ради одного окна.

Молодой человек отыскивает его взглядом, улавливает движение внутри.

«Твое время почти пришло», – думает он.

Над ним опускается темнота. Песчаный пляж. Мгновение. Ненависть. Он такой маленький. Сидит на стуле, на берегу, с завязанными глазами. Скоро будет больно.

Желваки заходили на скулах. Он отмахивается от воспоминаний. Снова светит солнце. Но уже не такое теплое.

Он снова устремляет взгляд к тому окну. Все тело цепенеет. Он смотрит на левую руку.

Она слегка подрагивает.

Не более того.

Пятница, 2 июня

По непонятной причине они оказались в одной комнате.

Бергер постепенно перенес сюда свои вещи, а потом и стационарный компьютер установил напротив компьютера Блум, в ее кабинете. Так проще обсуждать дело. Конечно, когда у них нет посетителей.

Но сегодня посетитель есть.

Странно, грубоватый мужской разговор двух полицейских по другую сторону стола заставил Молли Блум задуматься глубже. Как приглушенная музыка, звучащая на заднем плане, эта беседа поглотила весь звуковой мусор. И теперь создалось ощущение, что, наконец, начал вырисовываться смысл всех поисков и размышлений последних дней. По крайней мере, появились первые клочки плодородной земли, на которой могли взойти ростки проведенной мыслительной деятельности.

Блум начала осознавать, что их ролевая игра была именно игрой. И теперь ее можно завершить. Чтобы сосредоточиться непосредственно на деле.

С тех пор, как рядом с насилием и жестокостью она обнаружила заботу и внимание, дело предстало совсем в ином свете.

Робин предоставил Молли все фотографии с трех мест обнаружения трупов. Она потратила немало времени, ища в Интернете снимки пляжей и их окрестностей, как старые, так и новые. Возможно, они что-то упустили. Но пока ничего примечательного она не обнаружила.

Главное – все собранные за последние дни данные указывали на то, что убийца действительно существует. Ну или, по крайней мере, начинает проявляться некий рисунок. Все-таки значительную часть своей профессиональной жизни она посвятила составлению профилей преступников.

Если убийца существовал, он не только принадлежал к типу заботливых злодеев, но также обожал симметрию, порядок, повторяющиеся действия, точность. Если он убивает строго в определенный день каждого месяца и помещает трупы в очень схожие, хотя географически отдаленные друг от друга места, что-то это да значит. Возможно ли на основании трех мест обнаружения спрогнозировать, где будет четвертое? Разве тут дело не в симметричности? Как во времени, так и в пространстве.

На экране перед Молли Блум была развернута карта Стокгольмского лена от Норртелье до Сёдертелье. На карте мигали три точки: Фэрингсё, Бьёркё, Мёркё. Если существует какая-то математическая закономерность, позволяющая обнаружить четвертую точку, то она здесь, на карте. Три точки, где будет четвертая?

Молли начала наугад чертить линии, по-разному соединяющие три точки. Некоторые линии прошли вдоль береговой линии. Самые перспективные сочетания Блум сохранила. В сочетании с прочей информацией эти геометрические фигуры могли приблизить их к разгадке.

Поступили и другие сведения – насколько полезные, пока было не ясно.

Блум наблюдала поверх монитора за оживленным диалогом двух мужчин. Ей казалось, что она заглянула в самое нутро оперативного отдела стокгольмской полиции. В жерле полицейского мира, куда сама Молли Блум никогда не погружалась, по крайней мере, по настоящему. Она почти сразу перешла в Службу государственной безопасности и начала работать внедренным сотрудником.

А здесь другое. Двое матерых легавых, два поколения, один – бывший начальник другого. Сэм и Самир. В поисках правды.

Блум показалось, будто резко включили звук. Ее маленький пузырь лопнул, и внутрь ворвались мужские голоса.

– Что касается Норртелье, тут нет большой разницы, – сказал Самир, указывая на монитор Бергера. – От места обнаружения на острове Бьёркё и из соответствующей точки по другую сторону залива все равно ведет та же крупная автомагистраль. Для камер не имеет значения, с какой стороны залива находилась машина.

Бергер кивнул.

– А вот с Сёдертелье ситуация иная, – продолжал Самир. – Если едешь на остров Мёркё – это совсем другая дорога, чем та, что ведет на противоположную сторону пролива. Все указывает на то, что убийца вообще не поехал на Мёркё. Вместо этого он добрался до заповедника, где вы были. Скорее всего, он проезжал через участок 141, возле Ерны. То есть от Е4, на север или на юг. Или по автомагистрали 57, направление на Ерну, Флен, Гнесту.

– Для пятого мая у нас есть довольно точное время, – сказал Бергер. – Убийца привез труп на машине, скорее всего, но не обязательно, свернул на участке 141 за час до четверти третьего, когда Улла Миллрюд слышала звуки лодочного мотора. Уехал он оттуда, вероятно, в промежуток с трех до половины четвертого.

– К сожалению, это ничего не меняет, – покачал головой Самир. – На участке 141 у нас нет камер, а в нужные временные промежутки ни одна машина не засветилась на Е4 и по дороге туда, и по дороге обратно. И на пятьдесят седьмой автомагистрали тоже.

Обогнув стол, Блум присела рядом с мужчинами и взглянула на открытую Самиром карту на мониторе.

– А вот место обнаружения первого трупа, – сказал Самир, словно не замечая присутствия Молли. – Не море, а озеро Меларен. Фэрингсё, муниципалитет Экерё. По другую сторону бухты уже другое муниципальное образование, там рядом гостиничный комплекс «Сандвикс горд» в Ерфэлле. Должно быть, именно оттуда он отправился на резиновой лодке. Там проходит автомобильная дорога, которую мы раньше не рассматривали. Параллельно незастроенной береговой линии там проложен естественный путь, еще одна крупная трасса на Стокгольм, Е18.

– Отлично, – взбодрился Бергер. – И что у нас на Е18?

– Ничего, – ответил Самир.

– Спасибо за увлекательный рассказ, – пробормотал Бергер.

– Но у меня есть нечто сугубо гипотетическое, решайте сами. Моей отправной точкой была ближайшая камера к северу от участка 141, она засняла около сотни машин, проезжающих в обе стороны за нужный нам промежуток времени. Но ни одна из них не проехала туда и обратно.

Блум почувствовала, что пора вмешаться в разговор:

– Ты приехал сюда после работы, Самир, хотя у тебя маленькие дети. Наверняка у тебя что-то есть.

Самир бросил на нее беглый взгляд. Казалось, он подбирает слова. Наконец, он произнес:

– Поскольку по регистрационным номерам совпадений не нашлось, я расширил поиск до марок машин. И тут кое-что произошло.

– Кое-что?

– Для Ерфэллы у меня не было четких временных рамок, там в ночь на пятое марта проехали тысячи машин, но я сравнил все автомобили, которые попали на камеру на Е18 с машинами на Е4 к северу от Мёркё за наш промежуток времени в ночь на пятое мая и нашел немало автомобилей, совпадающих по марке и цвету. Особенно меня заинтересовали две старые белые машины «Вольво V70» с разными номерами, одна в южном направлении на Е4 пятого мая, другая в южном направлении на Е18 пятого марта, от дорожного участка Баркарбю. У меня

тут есть фотографии. Два разных номерных знака, оба краденые. Это может быть одна и та же машина? Что скажете, господа?

Бергер и Блум поднесли головы к самому монитору. Ночные снимки двух белых «Вольво V70». На более четкой фотографии была хорошо различима небольшая вмятина у левой фары, она же, судя по всему, присутствовала и на втором снимке. Водителей не разглядеть – два темных, откинувшихся на спинку силуэта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.